

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ,
ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ**

Новосибирск, 2013 г.

УДК 3
ББК 6/8
А43

А43 «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (20 мая 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 110 с.

ISBN 978-5-4379-0288-2

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

Рецензенты:

- канд. филос. наук Гужавина Татьяна Анатольевна;
- канд. ист. наук Купченко Константин Владимирович;
- канд. ист. наук, доцент Прошин Денис Владимирович;
- канд. ист. наук Соловенко Игорь Сергеевич
- канд. ист. наук Сорокин Александр Николаевич

ISBN 978-5-4379-0288-2

ББК 6/8

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление	
Секция 1. Политология	6
1.1. Методология политического анализа	6
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ПРАВО НАРОДОВ И НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ Нуриева Ирада Тофик кызы	6
Секция 2. Социология	11
2.1. Методика преподавания социологии	11
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ» В СПО Колобова Валентина Викторовна	11
2.2. Социология коммуникаций	16
ПРОФАЙЛИНГ И БЕЗОПАСНОСТЬ Русович Василий Иванович Сечко Инга Леонидовна	16
Секция 3. Философия	21
3.1. Философия и ее роль в современном обществе	21
ИНТЕГРАЦИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО Гасымова Нармина Вагиф кызы	21
3.2. Динамика современной культуры	26
ДИНАМИКА ТЕХНИКИ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО МИРА Сергеева Надежда Ивановна	26
3.3. Социальная философия	32
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ Гусак Ирина Александровна Кузнецова Татьяна Ильинична	32
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КРИТИКА СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА Мокшев Александр Юрьевич	36

ФЕНОМЕН «МАССЫ» В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА Ставцев Константин Юрьевич Гревцева Анна Анатольевна	41
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЕ НАУКИ: ПРОГРЕСС ИЛИ ДЕГУМАНИЗАЦИЯ? Тургенева Ольга Юрьевна Корогод Мария Валериевна	45
3.4. История философии	55
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА В ДРЕВНЕМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ Даньшин Александр Владимирович	55
Секция 4. История	62
4.1. История России	62
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СУХОПУТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ СРЕДНЕГО ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ Звагельский Виктор Борисович	62
КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК Нещеретов Иван Валерьевич	68
ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ВНЕШНЕГО ВРАГА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАКАТЕ В 1920—30-Е ГГ. XX В. Чогандарян Марина Георгиевна	74
4.2. Всемирная история	79
ВОЕННАЯ ДИКТАТУРА В УРУГВАЕ 1973—1985 ГГ.: ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ, ИТОГИ Бычков Максим Алексеевич	79
4.3. Археология	88
АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ НАРОДОВ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ Хаджимурадова Макка Ахмедовна	88

4.4. История науки и техники	94
НИКОЛАЙ АВКСЕНТЬЕВИЧ ВАЛЯШКО И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ НАУКИ 1920-Х—1950-Х ГОДОВ Фесенко Владимир Юрьевич	94
4.5. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	105
ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН В КОНЦЕПЦИИ Ю.И. ВЕНЕЛИНА Виноградова Марина Юрьевна	105

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ПРАВО НАРОДОВ И НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Нуриева Ирада Тофик гызы

*д-р полит. наук, доцент АГНА,
г. Баку*

E-mail: iradanuri@gmail.com

Несмотря на то, что национальные проблемы и посягательства на территориальную целостность государств нередко являются причиной политической конфронтации и насилия, вопрос об установлении четкого баланса между принципами «территориальной целостности и неприкосновенности границ» и «правом наций и народов на самоопределение» изучены недостаточно.

Все еще нет четкой, обоснованной классификации уровней субъектов этого права. Вопрос о праве наций на самоопределение требует четкого определения возможных уровней своей реализации.

Системное изучение права на самоопределение коренных народов и национальных меньшинств предполагает его исследование в рамках принципа территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ, как одного из основных принципов международных правовых норм.

Территориальная целостность, являясь основополагающим принципом суверенитета независимых государств, предполагает полную правовую власть государства над всей территорией. Суверенитет и безопасность — неотъемлемые условия существования любого

государства и выполнения им своих функций, как на собственной территории, так и на международной арене.

Территориальное верховенство, будучи составной частью «государственного суверенитета», обеспечивает территориальную целостность и неприкосновенность границ, является правом каждого независимого государства.

Страны, подписавшие соглашения о государственной границе с сопредельными государствами, автоматически признают территориальную целостность и неприкосновенность границ друг друга [4, с. 1]. Принцип неприкосновенности и целостности государственной территории запрещает захват чужих территорий и признание результатов такого захвата.

Самоопределение народа и нации — это лишь начало сложного, длительного процесса, главным в котором является реализация избранной системы определений статуса, прежде всего, политического статуса, т. е. реализация, материализация определенной ранее программы национально-государственного суверенитета. Однако народами и нациями реализация избранной системы должна произойти в зависимости от уровня развития самого субъекта и от иных условий, которые обуславливают ту или иную форму самоопределения.

Современное международное право вполне откровенно запрещает злоупотребление свободой, несущей опасность, нарушение баланса между принципами: «Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава ООН [11, п. 6]», «Все государства должны уважать «суверенные права всех народов и территориальную целостность их государств» [11, п. 7].

Как видно, в международно-правовых актах прямо сказано, что при самоопределении необходимо соблюдать территориальную целостность государства, уважать права остальной части (большинства) населения [1, с. 10]. В целом, во всех международно-правовых договорах не только было подтверждено важнейшее требование об отказе от любых действий, ведущих к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных демократических государств.

Самоопределение не должно осуществляться с сепаратистских позиций в ущерб территориальной целостности и политическому единству суверенных государств. Международным правом признаются законные действия по реализации права на самоопределение. Право на самоопределение требует очень тонкого и осторожного подхода. Самоопределяющийся народ должен действовать согласно международному праву, не нарушая ни один из его принципов. Самоопреде-

ление в зависимости от численности, территориальной принадлежности, уровня развития и состояния самого субъекта и политической ситуации [7, с. 43, 58] имеет разные формы: национально-государственная, национально-территориальная, территориальная и культурная автономия в рамках многонационального государства [9, с. 94].

Говоря о субъектах права на самоопределение можно сказать: «Любая нация и народ может самоопределиваться на уровне унитарного государства, конфедерации и федерации лишь на своей исконной земле. Создание государства на чужой земле равносильно нарушению прав его коренных жителей» [11, с. 2; 7, с. 1, 13, 23; 5, с. 302—303].

Это утверждается Декларацией ООН о правах коренных народов, принятой 13 сентября 2007 года 3-ей статьей: «Коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие» [3, с. 2]. «Коренной народ в зависимости от его численности обладает указанным правом, а национальным меньшинствам право на самоопределение в виде отделения не предоставляется» [8, с. 1, 13, 23; 5, с. 302—303; 2, с. 407].

Есть и другой уровень самоопределения: культурная автономия, субъектами которой могут быть как малочисленные коренные народы и народности, так и иные меньшинства: национальные, религиозные, языковые и культурные.

«Коренное население» — это коренные общины, народности и нации, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на собственных территориях, считающие себя отличающимися от других групп общества, преобладающих в настоящее время в этих территориях или их частях. В действительности мы видим, что многие коренные народы являются доминирующими в своих государствах, которые, в свою очередь, создавались не впоследствии «вторжения завоевателей» и «введения колониальной системы», а впоследствии естественного исторического развития по собственной инициативе и воли своего коренного народа (Франция, Япония, Китай, Польша, Норвегия, Индия и т. д.).

Также, из определения ясно видно, что под категорию «коренное население» подпадают те малочисленные коренные народы, которые преобладают в настоящее время на этих территориях.

Азербайджанцы — коренное население бывшего Иреванского ханства (ныне территория современной Армении) и Карабаха (ныне находящиеся под оккупацией Армении), потерявшие впоследствии агрессии, сначала свои доминирующие позиции, а затем, вовсе изгнанные из собственных территорий, входят в эту категорию.

Также делаются попытки в числе основных признаков понятия «коренные народы» показать «компактное проживание» на собственной территории. Рассмотрев этот вопрос, мы увидели, что компактное проживание на собственной территории зависит от истории развития данного народа, а также, в основном от исторических изменений и развития государства, где этот народ проживал или проживает.

В результате репрессий, депортаций и насилия коренные жители США — индейские племена (исключение составляет малая часть индейцев, проживающая в резервациях), индейцы Мексики, Бразилии, Канады, аборигены Австралии, живут не компактно; азербайджанцы в нынешней Армении, турки в Болгарии, татары в Крыму, турки-месхетинцы в Грузии потеряли собственные территории. Но этот факт не отнимает у них права называться коренными народами этих стран. Скорее всего, признание этих фактов дает им право оспаривать и требовать от этих государств, от ООН и от других международных организаций признания и восстановления их прав, присущих коренным народам.

Количественный показатель, часто употребляемый вместе с термином коренные народы, также вызывает споры в политической литературе. Количественный показатель коренного народа имеет значение лишь для определения возможных уровней самоопределения.

Однако он теряет свою значимость во время определения уровней самоопределения национальных меньшинств. Они имеют право лишь на культурную автономию.

«Национальные меньшинства, — пишет В.М. Быченков, — являются частью народа, проживающего в инациональной среде за пределами территории своего традиционного расселения и сохраняющего присущую ему самобытность»[10, с. 57].

В соответствии с международной практикой каждый народ независимо от месторождения, от географического положения только один раз может самоопределился на уровне государственности. Армянский народ уже самоопределился на уровне государственности на исторических землях Азербайджана и это государство признано международным сообществом. Угроза, связанная с появлением второго армянского государства, — не просто очевидная угроза безопасности Азербайджана, это угроза мира и стабильности на Кавказе. Речь идет о том, что неизбежным следствием создания второго армянского государства станет умножение требований суверенитета со стороны национальных меньшинств во всем мире.

Бутрос Гали, бывший Генеральный Секретарь ООН, выступая в Москве, сказал, что «если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государство, то не будет

предела дробления, и общий мир, безопасность, экономическое благосостояние станут еще более труднодоступной целью»[6, с. 405].

Национальные меньшинства живут во многих странах, включая европейские государства. Значит ли это, что они всюду должны самоопределяться на уровне независимых государств? В данном конкретном случае принцип самоопределения противоречит территориальной целостности. При определении уровня самоопределения наций и народностей принцип «одна нация — одно государство» для всех остается основополагающим.

Список литературы:

1. Гандилов Т.М. Карабахский узел: поиск путей урегулирования конфликта //газета «Азербайджанцы России», — май 2001 — № 9. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.azerbaijan.orc.ru/n09.07.htm.p.10of16> (дата обращения 08.01.2004).
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. //ООН. Документы и материалы. М., 1981. — 566 с.
3. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/ 295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/.../indigenous_rights.shtml (дата обращения 10.05.2013).
4. Декларация о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств-участников Содружества Независимых Государств. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ukrpravo.com/Russia/international/int29.shtml> (дата обращения 06.12.2004).
5. Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975//СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1989. — 708 с.
6. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В., Политология/ Учебник. М.: Юрист, 2002. — 511 с.
7. Краткий этнологический словарь. М., 1994. — 86 с.
8. Международные пакты о правах человека // Сборник документов. СПб., 1993. — 310 с.
9. Нуриева И.Т. Территориальная целостность и право на самоопределение. Монография. — Баку: Мутарджим, 2008. — 328 с.
10. Приоритет во имя равенства: Возможно ли? (Обсуждение проекта Закона РФ «Основы правового статуса малочисленных народов РФ») // Этнополитический вестник РФ. — 1992. — № 2. — с. 57.
11. Устав ООН и Статус Международного Суда 1940 г. Нью-Йорк, 1946. — 96 с.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ» В СПО

Колобова Валентина Викторовна

*преподаватель высшей категории ГОУ СПО ВГЭК
«Воркутинский горно-экономический колледж»,
г. Воркута.*

E-mail: panther-00@mail.ru

Я работаю преподавателем в системе СПО в горно-экономическом колледже 13 лет. Большею частью в нашем учебном заведении обучаются студенты технических специальностей. Согласно ФГОС СПО второго поколения учебная дисциплина «Основы социологии и политологии» входила в учебные планы всех специальностей, от «Правоведения» до «Технической эксплуатации и обслуживания электрического и электромеханического оборудования». В основном студенты изучали данную дисциплину на третьем-четвёртом курсе. Количество часов, отведённое на предмет — 32. Поэтому я разбивала курс на две части, по 16 часов на «Основы социологии» и 16 часов — «Основы политологии». Первым разделом изучались «Основы социологии». При работе над данным разделом большое внимание уделялось межпредметным связям и самостоятельной работе студентов. Это способствовало формированию как общих, так и профессиональных компетенций.

При изучении самой первой темы «Социология как наука» студенты знакомятся с научной деятельностью русско-американского социолога П.А. Сорокина, который является уроженцем Коми земли. Он характеризовал социологию как «собирательную, или интеграль-

ную науку об обществе. Не только частные науки трудились, подобно пчёлам, собирающим нектар с разных цветков, над построением общего здания социологии, но и социология приносила неоценимую пользу конкретным наукам...» [2, с. 188]. Таким образом, в самом начале работы над дисциплиной студенты понимают, что социология является обобщающей по отношению к другим наукам, изучающим общество и человека. В качестве самостоятельной работы над данной темой студенты готовили рефераты по теме: «Знаменитые земляки. Питирим Сорокин-основоположник русской и американской социологии».

В рамках изучения темы «История социологии» проводилось семинарское занятие, при подготовке к которому студенты самостоятельно работали над выступлениями по следующим темам с подготовкой презентаций:

- «Социальные представления Древней Индии»;
- «Социальные идеи в философии Конфуцианства»;
- «Социальные теории Древней Греции»;
- «Социально-философская мысль эпохи средневековья»;
- «Социально-философские взгляды западно-европейских мыслителей в Новое время»;
- «Социологическая мысль в России в XVII—XVIII вв.»;
- «Социологические взгляды немецкой классической философии».

По теме «Личность в системе социальных отношений» в процессе эвристической беседы обучающиеся формулируют понятия «индивид», «индивидуальность», самостоятельно выделяют личностные качества человека и делают выводы о формировании личности в процессе социализации. Так же в процессе дискуссии студенты под руководством преподавателя делают вывод о том, что в течение жизни человек может утратить некоторые личностные черты, т. е. личность может «умереть» в ещё живом человеке. На занятии происходит знакомство с понятиями «модальной и нормативной личности» [1, с. 36—37]. Кроме этого речь шла о социальных статусах личности и необходимости повышать свою социальную позицию в процессе жизни. Изучались ролевые теории личности, ролевое ожидание и ролевое исполнение. Разбирались ролевые конфликты и возможности их избежать. При чём во всех случаях обучающиеся сами приводили примеры, многие из них были связаны с их семьёй, студенческой жизнью и с будущей профессией.

В рамках изучения темы «Культура, как социальное явление» проводился семинар по молодёжным субкультурам. Студенты

самостоятельно подбирали материал и готовили выступления. Так же был проведён социологический опрос о молодёжных субкультурах в нашем колледже, т. е. использовалась следующая форма проведения занятия — эвристический метод при активном участии преподавателя. Были соблюдены следующие этапы исследовательской работы: ознакомление с областью и содержанием предметного исследования; формулировка целей и задач исследования; сбор данных; формулировка выводов. Среди преимуществ использования исследовательской деятельности студентов колледжа можно выделить следующие: получение навыков самостоятельной работы с различными источниками информации, их обработка и систематизация; использование информационных технологий; развитие творческих и познавательных способностей; получение навыков работы в коллективе; практическая направленность исследовательской работы.

При данной форме занятия формировались такие ключевые компетенции, как творческий подход, самостоятельность при принятии решений, развитие наблюдательности. Собранный материал был систематизирован и обобщён, составлены графики, подготовлена красочная презентация «Молодёжные субкультуры».

По этой теме студентка группы ГМУ-08 выступила на научно-практической конференции студентов ГОУ СПО ВГЭК, а также на методическом совещании преподавателей, с целью более подробно познакомить их с молодёжными субкультурами, их особенностями, ситуацией в нашем учебном заведении, отношением студентов к этому вопросу. Так как большинство преподавателей старшего поколения имели весьма поверхностное представление по данной теме.

Изучая тему «Регуляция поведения в обществе. Социальные отклонения», студенты под руководством преподавателя изучают классификацию социальных отклонений, их причины и мотивацию, наказания со стороны общества. При более детальном рассмотрении в процессе изучения и дискуссии они приходят к следующему выводу: «Кто от лица всего общества определяет, какое поведение считать девиантным и карать с помощью санкций или общественного осуждения, а какое рассматривать как норму? Социальная оценка того или иного поведения как девиантного во многом определяется тем, какая социальная группа или класс занимает господствующее положение в обществе. Девиантным считается такое поведение, которое в чём-то угрожает позиции господствующих классов и групп и подрывает установленный порядок» [1, с. 117]. Самостоятельно студенты подбирают материалы и готовят рефераты и презентации по темам: «Алкоголизм», «Наркомания», «Терроризм», «Преступность»,

«Социальный контроль», «Причины отклоняющегося поведения». Также проводится конкурс плакатов и их выставка в фойе колледжа.

В процессе изучения темы «Социальные общности и группы. Семья, как социальный институт и малая группа» студенты готовили сообщения по темам: «Семья, её функции, семейные роли и традиции»; «Виды брака»; «Развод».

Затем для обсуждения были предложены следующие дискуссии: «Роль отца в семье», «Роль матери в семье», «Виды брака, а так же иллюзии и разочарования с ними связанные», «Ранние браки», «Развод и моральные проблемы». При обсуждении данных проблем речь идёт о педагогике сотрудничества, стирается разница между позициями преподавателя и студентов.

Во время дискуссии формируются следующие компетенции: коммуникативные (умение общаться, формулировать и задавать вопросы, отстаивать свою точку зрения). Особенно острый интерес вызывали проблемы ранних браков. В последствие студенты одной из выпускных групп, которые собирались пожениться сразу после выдачи дипломов, говорили о том, что именно эти занятия по «Основам социологии», знакомство со статистикой и проблемами ранних браков предостерегли их от необдуманного поступка.

В целом, многие студенты не только специальностей гуманитарного, но и технического направления говорили о том, что хотелось бы изучать этот предмет не на третьем-четвёртом курсе, а пораньше, хотя бы на втором.

Следует учесть, что в системе СПО второй раздел «Основы политологии» также имеет огромное значение для воспитания грамотного всесторонне развитого специалиста, разбирающегося как социально-экономической, так и в социально-политической ситуации в стране и в мире.

В новых ФГОС СПО третьего поколения произошли значительные изменения, которые определённым образом коснулись распределения часов, да и самих дисциплин гуманитарного и социально-экономического цикла. Теперь учебная дисциплина «Основы социологии и политологии» входит в вариативную часть и включается в учебные планы по усмотрению учебного заведения. Хотелось бы порекомендовать-включить дисциплину «Основы социологии» в учебные планы, хотя бы в небольшом объёме.

Список литературы:

1. Волков Ю.Г.. Социология: Лекции и задачи: Учебник. — М.: Гардарики, 2003. — 316 с.
2. Кравченко А.И. Социология и политология: Учеб. пособие для студ. сред. проф. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия»; Мастерство; Высшая школа, 2000. — 312 с.
3. Кравченко А.И.. История социологии: учеб. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. — 408 с.
4. Основы социологии и политологии: Учебное пособие/ Под. ред. А.О. Бороноева и М.А. Василика. — М.: Гардарики, 2003. — 400 с.
5. Радугин А.А., Радугин К.А.. Социология: курс лекций. — 3-е изд., перераб. и дополн. — М.: Центр, 2001. — 224 с.
6. Соколова В.А. Основы социологии. Серия «Учебники и учебные пособия». Ростов н/Д: Феникс, 2000. — 192 с.
7. Социология/ Волков Ю.Г.; под общей ред. доктора философских наук, проф. В.И. Добренкова. — Изд. 4-е. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 571 с.
8. Харчева В. Основы социологии: Учебник для студентов средних специальных учебных заведений. — М.: «Логос»; «Высшая школа», 1999. — 302 с.
9. Шарков Ф.И. Социология: теория и методы: учебник/ Ф.И. Шарков. — М.: Издательство «Экзамен», 2007. — 478 с.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

ПРОФАЙЛИНГ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Русович Василий Иванович

*канд. ист. наук, доцент БГУ,
Минск, Беларусь
E-mail: belsharus@mail.ru*

Сечко Инга Леонидовна

*студент БГУ,
Минск, Беларусь
E-mail: sechko.inga@mail.ru*

Терроризм является одной из острейших проблем современности. Десятки терактов совершаются ежегодно. Достаточно вспомнить теракты в Норвегии, России, Индии, Пакистане, Марокко, Казахстане, Франции, Боснии и Герцеговине, Афганистане, взрыв на станции метро «Октябрьская» в Минске (Беларусь), чтобы оценить масштабы происходящего. Сегодня ни одна страна не может чувствовать себя в безопасности от террористов. Бостонские (США, апрель 2013 г.) и Рейханловские (Турция, май 2013 г.) кровавые шаги террористов — красноречивое тому свидетельство. Следовательно, вопросы упреждающего выявления потенциальных террористов представляются более чем актуальными.

Опыт работы многих стран в области обеспечения национальной безопасности говорит о том, что, несмотря на достижения в создании высокотехнологичных технических средств, человек был и останется в обозримом будущем первостепенным фактором в антитеррористической борьбе, т. к. обладает способностью к импровизации, креативности, творчеству, нестандартному мышлению.

Жесты, мимика, голос, капельки пота на лбу, движение глаз, походка — все это элементы сигнальной системы, которая вне зависимости от желания ее обладателя, информирует собеседника, когда человек волнуется, проявляет беспокойство или лжет. Тезис И.М. Сеченова «каждая мысль имеет мускульное проявление» [8, с. 17] наиболее наглядно устанавливает связь между мышлением и поведением. Нужно только научиться читать этот язык тела. В связи с этим в последнее десятилетие широкое распространение получил

так называемый профайл-метод или профайлинг (от английского «profile» — профиль). **Профайлинг** обозначает совокупность психологических методов и методик оценки и прогнозирования поведения человека на основе характеристик внешности, анализа наиболее информативных частных признаков личности. Заслуживает внимания определение профайлинга как технологии предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии, а в более узком значении слова — как системы установления *вероятностной* причастности определенного субъекта к планируемому противоправному действию.

Изначально термин «профайлинг» (профилирование) употреблялся в контексте составления поискового психологического портрета (профиля) неизвестного лица по следам на месте преступления.

Основной целью профайлинга является выявление потенциально опасных лиц, а его основой — визуальная диагностика психоэмоционального состояния человека (наблюдение и специальный опрос, фиксация психологических поведенческих реакций при ответах — невербальных и вербальных) [6, с. 21]. Психологами установлено, что вербальный компонент межличностного общения составляет менее 30 %, а свыше 70 % информации, передаваемой при общении, передается невербально [2].

Выявление поведенческих признаков индивидуумов с деструктивными намерениями в местах массового пребывания людей (аэропорты, вокзалы, метро, учебные заведения, театры, торговые центры, дискотеки и т. д.) и своевременная локализация потенциального очага конфликта, составляет основное содержание работы профайлеров, работающих в общественных местах. Эту технологию много лет применяет израильская авиакомпания «Эль-Аль», одна из самых безопасных в мире. В 1968 г. именно её сотрудники разработали данный метод борьбы с терроризмом. В Соединенных Штатах, также действуют профайлинговые программы, в рамках которых ведется поиск и накопление статистических данных по подозрительным моделям поведения [9]. Сегодня профайлинг успешно используется в ряде авиакомпаний для обеспечения безопасности в аэропортах европейских стран, Российской Федерации, в частности, на международных рейсах в таких аэропортах, как Пулково, Шереметьево, Домодедово и др.

Концепция профайлинга базируется на том, что противоправное действие и его подготовка могут быть обнаружены путем анализа определенного набора физических, психологических, поведенческих

признаков, составляющих характеристику подозреваемых лиц, с позиций их потенциальной опасности [5, с. 49]. Существует индикаторы, которые являются критическими для отнесения человека к группе риска (демонстрируемая агрессия, скрытая агрессия, возбужденность, отрешенность, ореол смерти, алкогольное и наркотическое опьянение). Эмоциональное состояние человека, которое оценивается по признакам тревоги, страха, волнения и др., рассматривается в профайлинге как дополнительный фактор при анализе выявленных доминирующих признаков. Существуют ключевые признаки в невербальном и вербальном поведении человека, которые позволяют профайлерам выявить его в людском потоке и отнести к категории потенциально опасных.

Применение профайлинга предполагает высокий профессионализм профайлеров, в первую очередь, этико-психологический. Важно не только обезвредить потенциального правонарушителя, но и не обидеть человека необоснованными подозрениями. Сбалансированность подхода соблюдения прав человека в широком смысле слова и его реализации — актуальнейшая проблема профайнализма.

Профайлеры учитывают многие психологические особенности террористов, адаптируя их к специфике своей деятельности. Дальнейшая работа в этом направлении, на наш взгляд, должна все больше двигаться в сторону слияния теоретических знаний и практических навыков, поскольку именно профайлинг является той областью антитеррористической деятельности, которая позволяет наиболее четко реализовать данный принцип. В этой связи следует также подчеркнуть, что система профайлинга может послужить хорошей информационной базой для превентивных мер по предупреждению терроризма [4, с. 181]. В рамках указанной концепции тщательно изучаются общие вопросы, связанные с современным терроризмом, а также существующими экстремистскими организациями и основными тенденциями их деятельности, профайлерами-практиками составляется описательная модель участника террористической угрозы. Такая информация является бесценным материалом для воссоздания модели террористической деятельности, опираясь на которую можно с достаточно высокой степенью вероятности прогнозировать осуществление террористических актов.

Одной из важнейших задач для эффективного использования профайл-программ в системе национальной безопасности является подготовка специалистов, предназначенных для осуществления указанных программ. На наш взгляд, эта работа должна включать следующие этапы: методическое обеспечение отбора кандидатов

в специалисты по ведению профайл-программ; обучение кандидатов в специалисты-профайлеры методикам визуальной диагностики актуальных психоэмоциональных состояний человека; тренинговую отработку умений и навыков профайлера в условиях, приближенных к реальным; методическое и содержательное обеспечение учебного процесса. В качестве базовых компонентов можно рекомендовать следующие: понимание приоритетных ценностей и склада мышления человека, определение стереотипов восприятия, мышления, общения, мотивации, принятия решений, природу внутри- и межличностных конфликтов, прогнозирование ролевых отношений и иерархии в коммуникации, характерологию, типы темпераментов, импринтологию, прогностику реализации характерологических мотивов в профессиональной деятельности человека. В Беларуси обучение профайлингу осуществляют учебный центр повышения квалификации «Академтранс» и Минский государственный высший авиационный колледж. Если раньше эти премудрости постигали только сотрудники аэропортов, то после взрыва в минском метро (2011 г.) управление госинспекции по безопасности полетов и авиационной безопасности департамента по авиации Министерства транспорта и коммуникаций Беларуси расширило список тех, кому в обязательном порядке нужно знать основы профайлинга [3]. На наш взгляд, успешный опыт применения профайлинга за рубежом, положительные результаты его применения в практической работе в Беларуси позволяют расширить практическую полезность данного метода, рекомендовав его использование при профессиональной подготовке сотрудников милиции и государственной безопасности, психологов, социологов. Перспективным направлением для специалистов данного профиля может быть их работа в подразделениях Генеральной прокуратуры, Комитета государственной безопасности, Министерства внутренних дел по борьбе с коррупцией, преступностью и наркоманией. С нашей точки зрения, назрела ситуация создания государственной системы подготовки специалистов-профайлеров.

Список литературы:

1. Авиационная безопасность / Под общ. ред. Ю.М. Волынского-Басманова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: НУЦ «АБИНТЕХ», 2009. — 692 с.
2. Институт НЛП — НЛП-Практик Профайлинг. Практическая психология [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://nlp-dhe.livejournal.com/24743.html> (дата обращения 18.05.2013).
3. Крылова Е. Техника чтения [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://mk.by/2011/05/18/41419/> (дата обращения 12.05.2013).

4. Курс развития социально-психологической компетентности сотрудников службы профайлинга: учебно-методическое пособие. — М.: МОСА, 2009. — 294 с.
5. Марьин М.И., Касперович Ю.Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности. — М.: Изд. центр «Академия», 2007. — 208 с.
6. Ольшанский Д.В. Психология терроризма, — М.: 2008. — 365 с.
7. Профайлинг: К проблеме выявления лиц с противоправными намерениями: Учеб. пособие. — М.: НУЦ «АБИНТЕХ», 2009. — 311 с.
8. Сеченов И.М. Элементы мысли. — СПб.: Питер, 2001. — 416 с.
9. The Journal of Behavioral Profiling [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.profiling.org/journal/index.html> (дата обращения 01.03.2013).

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ИНТЕГРАЦИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО

Гасымова Нармина Вагиф кызы

преподаватель,

*Азербайджанская Государственная Нефтяная Академия,
г. Баку*

E-mail: hseva@mail.ru

Азербайджанское государство и общество, отмечающее 20-летие своей независимости, уверенно вступило в новую стадию социально-экономического, национально-духовного, социально-общественного развития. Демократическая и мировая политика нашего государства, основанная великим лидером Гейдаром Алиевым и проводимая с конца XX века до сегодняшнего дня, способствовала укреплению позиции Азербайджана на международной арене. За минувший период Азербайджан добился значительного укрепления своего имиджа в мировом масштабе.

Сегодня Азербайджанское государство признается международным сообществом как свободная независимая демократическая страна. Со дня принятия Азербайджана членом Организации объединенных наций прошло 20 лет. Сотрудничество между Азербайджанской Республикой и ООН, членами которой являются 193 государства, было установлено сразу же после распада Советского Союза и восстановления независимости страны. 2 марта 1992 г. Азербайджанская Республика была принята в члены ООН. После принятия резолюции о принятии Азербайджана в члены организации на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН перед резиденцией организации в Нью-Йорке был вывешен трехцветный флаг нашей

страны, и спустя 2 месяца, 6 мая в организации начало функционировать Азербайджанское представительство. Членство в ООН создало широкие возможности Азербайджанскому государству для укрепления своей независимости, рационального использования международных законов против агрессии Армении, интеграции в мировое сообщество.

Начиная с первого дня сотрудничества с ООН, Азербайджанская Республика через платформу ООН старалась привлечь внимание международной общественности к армяно-азербайджанскому конфликту, и достичь мирного договора, используя потенциальные возможности ООН. В течение 1993 года Совет Безопасности ООН по армяно-азербайджанскому конфликту принял резолюции под номером 822, 853, 874, 884. Эти резолюции, подтверждая территориальную неприкосновенность Азербайджана, выдвигали требования немедленного объявления прекращения огня, и вывода оккупационных сил с территорий Азербайджанской Республики. Основной целью выдающегося политика Гейдара Алиева было донесение до мировой общественности Азербайджанских исторических истин с самых высоких трибун. Он в своем выступлении на торжественной сессии, посвященной 50-летию ООН, дал обширную информацию о Нагорно-Карабахском конфликте. Общенациональный лидер Гейдар Алиев, принимавший участие на Саммите тысячелетия ООН, проведенном в 2000 г. особо подчеркнул вклад Азербайджана в безопасность на Южном Кавказе. Сегодня Азербайджан тесно сотрудничает со многими специализированными учреждениями ООН, что и является заслугой международной политики, основанной великим лидером Гейдаром Алиевым. Тесное сотрудничество с такими организациями как Верховный Комиссариат по делам беженцев, Детский Фонд, Организация по вопросам Науки, Образования и Культуры, Организация по промышленному развитию, Всемирная организация по здравоохранению, Женский фонд, Международное агентство по атомной энергетике, Организация договора о всестороннем запрещении ядерных испытаний способствует признанию нашей республики в мировом масштабе. В течение 1995—1997, 1998—2000 годов Азербайджан был членом исполнительного комитета UNICEF.

За минувшие 20 лет во время визитов высокопоставленных лиц международной организации в Азербайджан были высоко оценены осуществленные дела в сложных отраслях страны, поддержан суверенитет и территориальная целостность страны, что еще раз подтверждает сильную позицию Азербайджана в ООН.

Азербайджанская Республика, развивающаяся с каждым днем, придающая большое значение демократическим ценностям, подтвердила себя в мировом масштабе как надежный партнер во всех сферах. С 2006 г. Европейский Союз начал уделять большое внимание тесному сотрудничеству с Азербайджаном в области энергетики. В 2006 г. во время визита президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева в Брюссель был подписан Меморандум о Взаимопонимании по Стратегическому Сотрудничеству в Области Энергетики между Европейским Союзом и Азербайджанской Республикой. Растет число стран, желающих сотрудничать с Азербайджаном в области энергетики. В последние годы для глав таких стран как Польша, Румыния, Украина, Молдова, для Прибалтийских государств приоритетным стал вопрос энергетической безопасности Европы. Азербайджанская Республика является основным поставщиком энергии не только самого Азербайджана, но в то же время стран своего региона. Наша страна играет большую роль в энергетическом обеспечении Турции, Грузии. В соседней Грузии функционируют примерно 100 топливно-заправочных пунктов под брендом «SOCAR». На сегодня 75 % рынка розничных продаж нефтепродуктов Грузии находится под контролем ГНКАР (Государственная Нефтяная Компания Азербайджанской Республики) [1]. ГНКАР, играющая большую роль в энергетическом обеспечении стран Европы, также имеет важное место в энергетическом обеспечении соседней Турции. 51 % лидирующего в нефтехимической промышленности Турции комплекса «Peteim», принадлежит ГНКАР. С целью увеличения объема нефтехимической продукции, экспортируемой за границу, в прошлом году ГНКАР был заложен фундамент нефтеперерабатывающего завода “Star” в городе Измир с участием президента Ильхама Алиева. Сегодня экономика независимого Азербайджана составляет 75 % экономики Южного Кавказа. Стратегия правильно установленного прогресса приносит республике лишь успехи, и увеличивает возможности влияния Азербайджана на процессы, происходящие в регионе. С построением трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан выросло значение Азербайджана для Европы. В донесении азербайджанских истин до мира незаменима роль международных экономических, политических, культурных связей. Сегодня мир открыл для себя новый Азербайджан. В республике непрерывно, усовершенствуется разворачивается новая стадия модернизации.

В лице Азербайджана мировые государства приобрели надежного сторонника. Поток инвестиций, вложенных в экономику страны, доказывает это. Успехи, достигнутые в международных экономи-

ческих связях, способствуют большим достижениям на политической арене. Проведенные экономико-политические реформы, обладание правом голоса в международном мире, превращение в могущественное государство в регионе говорит о правильном направлении политического курса. Признание независимости Азербайджанской Республики свыше 150 странами мира является большим доверием, и Азербайджан уже известен на всех континентах. Сегодня формирование демократического имиджа страны связано с великим именем Ильхама Алиева. Политическое влияние Азербайджана, где проводились многие международные мероприятия, растет с каждым днем. Наряду с экономико-политическими связями, культурные связи также служат признанием страны во всем мире. Музыкальный конкурс “Eurovision”, проведенный в 2012 г. открыл для нас большие возможности проявить себя во всем мире. Однако, неизбежен тот факт, что сегодня Азербайджан великое и могущественное государство, и обладает взаимодоверием, авторитетом и правом голоса. Для укрепления межгосударственных отношений, развития межкультурных связей ради будущего и интересов страны Азербайджан, играя всё большую роль в Европе, максимально пользуется всеми приемлемыми обстоятельствами. Завоевание большого влияния в мире в течение 20 лет после восстановления независимости Азербайджана, расширение возможностей влияния на международные события, присвоение статуса непостоянного члена Совета Безопасности ООН, являющейся общим домом для всего человечества, является заслугой единой национальной идеологии и идеологии государства. Независимая Азербайджанская Республика первая страна космической промышленности Южно-Кавказского региона. 8 февраля 2013 г. 01:36 часов по Бакинскому времени на орбиту был запущен первый спутник Азербайджанской Республики «Azerspace-1». В связи с этим 2013 год останется в истории годом применения ИКТ (Информационно Коммуникативная Технология) в Азербайджане.

18 марта 2013 года в Баку проводилась Международная конференция на тему «Усиление сотрудничества в области предупреждения терроризма», организованная ООН и ISESCO. На международном экономическом форуме (форум Давос), проведенном 7—8 апреля 2013 года в Баку были обсуждены вопросы об экономическом развитии региона, влиянии экономического положения в регионе на другие регионы мира, будущих перспективах и т. д. Не смотря на то, что форум Давос носит экономический характер, он также имеет большое влияние на мировую политику и международные отношения [1]. Также, в 2015 г. первые Европейские Олимпийские

игры будут проведены в Азербайджане. С большим размахом началась подготовка к олимпиаде, чему страна относится с особым вниманием. В результате успешного продолжения политики Гейдара Алиева президентом Ильхамом Алиевым Азербайджан завоевал имидж первой страны, удостоенной инвестиционного рейтингом, а таких влиятельных международных агентств на Южном Кавказе как “Standard and Poor’s”, “Fitch” и “Moody’s” [2]. Политические, социально-экономические и культурные продвижения и достижения, происходящие в конце второго тысячелетия и начале третьего тысячелетия, в целом говорят о достижении больших успехов Азербайджанской Республики в XXI веке.

Список литературы:

1. Ахмедов Э. Курс внешней политики Гейдара Алиева и современная геополитическая реальность. Газета «Халг». — № 122. — 4 июня 2012. — с. 6.
2. Баку превращается в стратегическое пространство диалогов, связанных с будущим Южного Кавказа и Центральной Азии. Газета «Сес». — № 57. — 2 апреля 2013. — с. 5.

3.2. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ДИНАМИКА ТЕХНИКИ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО МИРА

Сергеева Надежда Ивановна

канд. филос. наук, доцент БТИ АлтГТУ,

г. Бийск

E-mail: sergeeva@city.biisk.ru

Значимым для понимания настоящего, проектирования будущего является рассмотрение современного культурного процесса, в котором взаимодействуют различные его уровни, возникает технический мир. Представление о культурных изменениях в XX веке, отражающих аспекты культурной динамики основывается на трех подходах — историческом, эволюционном, структурно-функциональном. Каждый из данных подходов воспроизводит лишь один из уровней культурного процесса. Знание о динамике культурного процесса, неотъемлемой составляющей которого является техника, постепенно изменяется, и в последние десятилетия философы приходят к выводу о необходимости исследования на всех уровнях культурных изменений как едином потоке — от отдельных культурных черт до развития культуры в целом. Американский исследователь, основатель современной антропологии Франц Боас (1858—1942), признает необходимость изучения не только эволюции человечества в целом, но и отдельных культур, ее элементов, понимаемых как функциональные, самодостаточные единства. Не отрицая философских аспектов цивилизации, характерной чертой которой является технизация, он отмечает, что «время синтеза, еще не настало» [2].

Актуализация проблем культуры связана с освоением мира с помощью техники, продукта цивилизации, с новыми поисками способов, методов ценностного освоения действительности и воплощается в практической деятельности людей, в культуре. Таким образом, взаимосвязь техники и культуры очевидна: с техникой связывается возникновение самой культуры.

Нельзя отрицать тот факт, что техника предстает как факт исторического развития, кроме этого на характер культурных изменений влияют случайность и необходимость исторического детерминизма. Следует отметить, что изучение реальных технических

процессов, обуславливающих изменения исторические, позволяют понять закономерность развития человечества. Технический процесс как явление, сущностью которого является изменение, происходящее во времени, определяется взаимодействием элементов системы.

Технические изменения влияют на характер культуры, что находит отражение в ее классификации. Дэвид Бидни (1908—1987), американский антрополог, специалист в области теории культуры и философии, выделяет в классификации культур ее двойственное деление на «техническую» и «нетехническую», вместо материальной, социальной и интеллектуальной [1]. Тем самым, он обращает внимание на изменение среды обитания человека, создания искусственного мира, инобытия, создаваемого человеком, где воедино соединяется артефакт и его использование, объект знания с самим знанием.

Сегодня ставится задача исследования смыслового понятия «техника», поэтому применяется его широкая трактовка. Это позволяет отнести к технике не только материальные орудия, но и навыки, умения, технологии, т. е. любые объекты, создаваемые человеком для реализации своих целей, выступающие как средства их достижения. Целостный, теоретический вклад в изучение техники возможен лишь на основе принципов историзма, так как в анализе этого феномена выявляется закономерность исторического хода развития человечества. Основной акцент в понимании техники, как части культурного мира, смещается с описания процессов технологического развития на исторический анализ взаимодействия техники и человека, включающий собственно культурные аспекты техника и творчество, техника и наука, техника и ценности, механизмы трансляции технологических навыков и другие. Реализация человеческого бытия возможна в культуре и ее ценностях, в том числе и технике, ибо культура выступает смыслообразующим началом самого человеческого существования.

Фундаментальное научное исследование техники начинается в XX веке в США и Германии, когда первая мировая война продемонстрировала миру всю разрушительную силу техники, и остро встал вопрос о технике и существующих ценностях. В этот период, в связи с проблемой управления в информационном обществе, общество начало осознавать свое развитие как движение по пути техногенной цивилизации. Созданная человеком техника стала главным фактором изменений на Земле.

Одной из фундаментальных социокультурных черт техники как составной части нашего жизненного мира является понимание ее как средство преобразования среды, природы и самого человека.

Общепризнано, что техника не только обогащает человеческое существование, но она есть средство, с помощью которого человек приспособливает среду к себе, сберегает свои усилия, изменяет обстоятельства, облегчает жизнь. Техника выступает и как средство, изменяющее человека. Возрастающая роль техники в жизни общества, а также неоднозначность оценки такой роли техника становится важным объектом осмысления, философской рефлексии.

Усилия исследователей феномена техники сосредоточены на понимании значимости в жизни общества существующих ценностей; на поисках критериев техники, ее оценки; выявление роли техники в жизни человека и человечества, ее воздействия на социокультурную динамику; выяснение отношения человека к миру техники, формируемого под воздействием и на основе техники.

Развитие техники детерминировано как внутренними, так и внешними факторами. Между тем не все исследователи признают этот подход, развивая модель технологического детерминизма. Сторонники модели технологического детерминизма отрицают в эволюции техники зависимость социокультурных оснований, включающих социальные, политические системы. Тем самым, приходят к узкому пониманию техники как совокупности инструментальных средств. Вторая модель динамики техники — «ценностного детерминизма» включает широкое ее понимание как социокультурного феномена, связанного с системой ценностей. Согласно данной модели определяющим в процессах технического развития является выбор ценностей, зависимый от внешних социокультурных условий. Расхождения этих позиций обусловлены абсолютизацией одних факторов и игнорированием других. Философский анализ развития техники основывается на признании как внутренних детерминант технологических оснований, так и внешних, зависимых от культурного процесса.

С точки зрения Литвинцевой А.В., можно выделить пять важнейших аспектов исследования техники:

1. Инструментально-технологическое измерение, рассматривается техническими науками.
2. Естественное (природное) измерение является предметом изучения естествознания и инженерной экологии, основано на исследовании взаимоотношения «техника-природа».
3. Индивидуальное человеческое измерение становится предметом изучения философской антропологии, психологии, эстетики, экономики и сосредоточивается на рассмотрении области «техника-человек».

4. *Социальное измерение* включает изучение отношения «техника-социальное бытие». Этот аспект изучается социологией, политологическими, науками, *культурологией*.

5. Культурное измерение в рамках отношения «техника-социокультурный мир» данное понимание изучается культурологией [3, с. 116].

Почему в современном мире становится важным для каждого человека понимание сущности техники? Прежде всего, потому, что понимание смыслов деятельности в культуре указывает на изменения, происходящие в технике, открывающие горизонты самореализации. Насколько успешно человек декодирует смыслы техники, зависит его духовное и материальное состояние.

Игнорировать изменения, связанные с техникой, как полагает французский философ Жак Эллюль (1912—1994), невозможно. Неоспоримо образное утверждение философа, что техника, окружающая нас, «как сплошной кокон, без просветов» [4]. Техника, созданная человеком, как средство подчинения природной среды становится сплошной средой, делающей природу вторичной, бесполезной, менее значимой. Природа оказалась «демонтирована» науками и техникой как «данностью» [4]. Вследствие чего техника, как демоническая сила, превращается в некий Абсолют, поражающий человека.

В научной литературе чаще встречаются следующие значения техники:

- техника — это инструментальные средства, артефакты, т. е. искусственно созданное человеком (орудия труда, машины, аппараты);
- техника — это совокупность навыков и приемов, способов деятельности (техника письма, техника чтения, техника музыканта, техника ваения скульптора) для достижения цели;
- техника «как совокупность технических знаний — от специализированных, рецептурно-технических до теоретических, научно-технических и системотехнических знаний» [5, с. 293].

В центре внимания дефиниции техники осуществление деятельности человека. **Техника** — это совокупность созданных человеком инструментальных средств, артефактов и способов, механизмов осуществления любой деятельности, обогащающих и совершенствующих содержание человеческой жизни, расширяющих взаимоотношения человека с окружающей средой.

В чем специфика современного исследования динамики техники? Многочисленные определения техники в литературе говорят о многогранности, многоаспектности явления. При изучении техники значимо выявление диалектики взаимосвязи техники и общества,

что позволяет людям осознанно в какой-то степени ставить под контроль и даже управлять этим процессом. Развитие общества определяется во многом уровнем развития техники, оказывающей воздействие на него различными путями. Очевидно, влияние техники на общество происходит не только через экономическую сферу общества. Огромное значение имеет вопрос о роли техники в бытии человека и человечества, ее воздействия на социокультурную динамику.

Современный человек не может представить себя вне техносферы, области действительности, для которой характерно применение техники и ее влияния на другие сферы общества. Например, военная техника влияет на мировую политику, так как с изобретением средств массового уничтожения людей возникает глобальная проблема сохранения мира, жизни всего человечества. Система образования немислива сегодня без использования компьютеров, Интернета; искусство — без использования музыкальных инструментов, световых эффектов. Сотовый телефон, смартфон, планшетный компьютер для современного человека — неотъемлемая часть его жизни.

Под воздействием техники в значительной мере преобразуется быт, жилище, это связано с появлением программируемой бытовой техники, например, электрического чайника, микроволновой печи, мгновенно разогреваемой индукционной плиты для приготовления пищи, мультиварки, кофеварки, аэрогриля, посудомоечной и стиральной машины, беспроводного, полностью автоматического робота-пылесоса и т. д.

В то же время за жилищный комфорт мы расплачиваемся разобщенностью людей, за достижением мобильности — возрастанием шумовой нагрузки от машин, самолетов. Медицинская техника, существенно увеличивая продолжительность жизни, ставит развивающиеся страны перед проблемой демографического взрыва и увеличением числа людей нетрудоспособного возраста. В основе удивительных изобретений нашего времени — знания, ценности, идеалы, философские идеи, определяющие прогресс человечества. Лучшие достижения в технике, культуре сохраняются, а примером результата преемственности в культурно-историческом развитии человечества является автоматическая дверь в современный универсам. Приоритет изобретения этой конструкции принадлежит величайшему древнегреческому инженеру Герону. Среди бесчисленных его изобретений — автоматический театр кукол, а также работающий в храме автомат при опускании денег, паровая турбина и другие.

Вместе с тем техника как явление культуры оказывает влияние на мировоззрение человека, его психологию, мышление. Связанная

со всеми сферами жизнедеятельности человека техника как искусственное освоение природного и культурного пространства предстает как продукт человеческой цивилизации. Назначение техники не только облегчение физического, интеллектуального труда, но и выполнение культурно-коммуникативных функций в обществе. Техника возникает в процессе познания, знания, понимания природы. Ее цель — приспособление к природе, улучшение условий человеческого существования. Эта проблематичность побуждает ученых, философов обратиться сегодня к осмыслению положения человека в мире, крайне изменчивого, нестабильного феномена техники. При этом необходимо иметь в виду, что культура оказывается важнейшей составляющей научно-технического прогресса. Вопрос о роли техники, ее воздействии на социокультурную динамику — это и вопрос об отношении человека к миру (природе), которое формируется под воздействием и на основе техники.

Список литературы:

1. Бидни Д. Концепция культуры и некоторые ошибки в ее изучении // Антология исследований культуры: в 2 т. Т. 1 Интерпретации культуры. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/~phil_ant_cult1.htm (дата обращения 09.05.2013).
2. Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры: в 2 т. Т. 1 Интерпретации культуры. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/phil_ant_cult2.htm (дата обращения 09.05.2013).
3. Культурология: учеб. / под ред. Н.Г. Багдасарьян. — М.: Высш.шк., 2001. — 511 с.
4. Новая технократическая волна на Западе. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/kult_tex_voln/~kult_tex_voln.htm (дата обращения 15.04.2013).
5. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: учеб. пособие. М.: Контакт-Альфа, 1995. — 384 с.

3.3. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Гусак Ирина Александровна
преподаватель ОГБОУ СПО
«Иркутский базовый медицинский колледж»,
г. Иркутск
E-mail: iralgu@yandex.ru

Кузнецова Татьяна Ильинична
преподаватель ОГБОУ СПО
«Иркутский базовый медицинский колледж»,
г. Иркутск

В условиях информационного общества проблема взаимоотношения поколений (извечная проблема «отцов и детей») приобретает особую актуальность в связи с преемственностью и передачей культурных ценностей от поколения к поколению, соотношением традиций и социальных инноваций в современном обществе.

Маргарет Мид, выдвинувшая в 60 годах прошлого века теорию о трех типах обмена информацией между поколениями: постфигуративной (традиционное общество), кофигуративной (индустриальное общество) и префигуративной («будущее»), предугадала состояние современного информационного общества. Жизнь сегодняшней молодежи отличается от жизненных моделей старшего поколения [4]. Если для культур постфигуративных характерна передача информации вертикально, для кофигуративных обществ — горизонтально, то для культуры префигуративной взаимодействие между поколениями вовсе необязательно — информация распространяется «диагонально», через другие источники: Интернет, СМИ и т. д.

Стремительная «визуализация» среды информационной эпохи повышает значение видео, изображений и интуитивно понятных символов, при этом текст теряет свою первостепенную роль. Кратковременная память приобретает большее значение, нежели долговременная. В таком обществе, напротив, поколение детей способно передавать какие-то знания поколению отцов (соответственно, авторитет старших оказывается подорван).

Одним из главных факторов в конфликте поколений является понижение социального статуса пожилых людей, изменение характера труда в информационном обществе, обесценивание молодежью накопленного опыта старших поколений, увеличение социокультурной дистанции между молодым и пожилым возрастом.

Цивилизации, в отличие от пространственно локализирующей себя культуры, свойственна экспансия (О. Шпенглер), перемалывание семейно-родовой структуры, разрушение традиционных семейных моделей и ценностей (К. Маркс), утверждение безличных связей, снижение ценности специфических мужских преимуществ (физической силы, формальной логики) и повышение ценности женских качеств (творчество). Устойчивость семейной структуры существует лишь как аспект всеобщего изменения, движения, саморазвития.

Ускорение технического и социального развития делает прошлый опыт не только недостаточным, но даже вредным, мешая смелым и прогрессивным подходам к новым, небывалым обстоятельствам.

Конфигуративная культура переносит центр тяжести с прошлого на современность. Она ориентируется не столько на старших, сколько на современников, равных по возрасту и опыту. Информационное общество диктует свои правила не только в жизни социума в целом, но и в рамках отдельно взятой семьи.

Еще в XVIII веке итальянский философ эпохи Просвещения Джамбаттиста Вико (Giambattista Vico) заявил, что саморазвитие общества осуществляется по своим внутренним законам и причинам в процессе смены поколений [5]. Человек как вид фактически не меняется, меняются лишь конкретно-исторические условия жизни. В воспитании влияние родителей уравнивается и перевешивается влиянием сверстников, появлением особой молодежной субкультуры и всякого рода межпоколенных конфликтов. Дети лучше вписаны в окружающую реальность, информационная неграмотность взрослых означает, что точек соприкосновения с детьми становится всё меньше. Кризис семейных отношений обнаруживается в коренной ломке традиционной системы семейных ценностей.

В начале 90-х годов прошлого века американцы Нейл Хоув и Штраус изложили мысль о том, что поведение человека зависит от того, в каких условиях он жил и воспитывался до 12—14 лет. Именно до этого возраста у личности формируется собственная система ценностей, которую он пронесет через всю жизнь. Теория Хоува-Штрауса утверждает, что формирует и определяет поколение не только и не столько возраст, сколько ценности людей, которые

формируются под влиянием общественных, экономических, социальных, технологических событий и воспитания в семье [2].

Процесс модернизации семейного быта, изменение «черт» семейной жизни усложняет межличностные отношения между родителями и детьми в связи с тем, что усиливаются демократические тенденции в области семейных отношений. Демократия есть поведение, отношение, состояние души, которое основывается на принципах личной автономии и равенства. Структурные изменения отношений между поколениями в семье проявляются в образах мышления, образцах поведения, ценностях, менталитете, что содействует преодолению кризиса патриархальности и возникновению демократической семьи. Семейные условия, включая социальное положение, род занятий, материальный уровень и уровень образования родителей, в значительной мере предопределяют жизненный путь ребенка. Вся внутрисемейная атмосфера, характер взаимоотношений между ее членами воздействует и накапливается с возрастом, преломляясь в структуре личности. Старшие обучают и воспитывают младших, приобщают их к унаследованной от прошлого культуре и в дальнейшем передают им это наследие [3].

Родители внедряют в сознание ребенка определенную систему норм, соблюдение которых постепенно становится для ребенка привычкой и внутренней потребностью. Ребенок подражает родителям, ориентируется на их пример, старается стать таким же, как они. Зная внутренний мир ребенка, чутко откликаясь на его проблемы, родители тем самым формируют его самосознание и коммуникативные качества. Наилучшие взаимоотношения между поколениями складываются обычно тогда, когда родители придерживаются демократического стиля воспитания. Этот стиль в наибольшей степени способствует воспитанию самостоятельности, активности, инициативы и социальной ответственности [3].

В такой семье не ущемляются права и достоинство мужчины и женщины, родителей и детей, что обеспечивает каждому из них автономию, равные возможности профессионального, интеллектуального и духовного роста.

Демократизация внутрисемейных отношений тесно связана с автономией личности, симметричностью (кофигуративностью — М. Мид) [4], обесцениванием эмпирического опыта старших, переходом от монологического к диалогическому принципу отношений между поколениями (И.С. Кон, Дж.Г. Мид, У. Гуд, Т.А. Гурко, С.И. Голод, В.Т. Лисовский, М.Ю. Попов).

Возрастание психологических и нравственных запросов, гендерных отношений отражает общие закономерности дальнейшей индивидуализации личности [1, С. 90]. Как правило, конфликты в семье наступают тогда, когда дети взрослеют, обретая индивидуальность своей личности. Наибольшая автономия наблюдается в сфере досуга, развлечений, свободного общения, потребительских ориентаций. При всей тяге к самостоятельности, поколение детей нуждаются в жизненном опыте и помощи старших.

Мобильность, индивидуализация трансформирует поколенческие связи, делает их более гибкими и симметричными, по принципам построения сетей, где нет единого центра, нет иерархических зависимостей, но есть многочисленные горизонтальные связи.

Мы полагаем, что тот серьезный поколенческий разрыв, который наблюдается сейчас — временное явление. Скорость развития информационного общества определяет и скорость сближения разных поколений. Хотя модели старших поколений еще сильны и не позволяют многим родителям перейти на новый уровень отношений с детьми.

Молодое поколение тридцатилетних родителей гораздо ближе к своим детям в плане адаптации к новым условиям. Рождается своеобразный феномен «родителя-ровесника», «родителя-друга».

Связанность обоих поколений осуществляется духовными узами, опирающимися на мощный пласт традиционной культуры. Но эта взаимосвязь — качественно иная, в отличие от того, какой она была прежде.

Эти тенденции служат для поколения «детей» стимулом для дальнейших их профессиональных достижений, потребности непрерывного образования, квалификации как основному средству удовлетворения материальных и духовных потребностей личности. Поколению «детей» принадлежит особая роль в устранении разрыва между поколениями. Можно предполагать, что разрыв между поколениями отцов и детей, который мы наблюдаем в современной семье — временное явление. Индивидуальная выраженность каждого члена семьи позволяет конструировать гендерные составляющие (супружеские и родительские), их социальные роли и социальные статусы, что представляет собой «изменчивость». Демократия никогда не является совершенной и полной. Демократические тенденции представляют совершенную модель семейной структуры, в которой отношения между поколениями смогут достичь своего идеального состояния в современном информационном обществе.

Список литературы:

1. Анурин В.Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт // Социс. — 2000. — № 9. — С. 90.
2. Исаева М.А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-krizisa-i-podema-v-teorii-v-shtrausa-i-n-houva> (дата обращения 20.03.2013).
3. Кон И.С. Ребенок и общество. М. 1964. С. 108 [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.dissercat.com/content/vzaimootnosheniya-pokolenii-sotsiokulturnyi-aspekt-0#ixzz2L9nsFJSE> (дата обращения 25.03.2013).
4. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер. с англ. — М.: Наука, 1988. — 322 с.
5. Цой Л. Вечный конфликт поколений: проблемы и перспективы его разрешения. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.klubok.net/article2060.html> (дата обращения 25.02.2013).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КРИТИКА СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Мокшев Александр Юрьевич

магистрант 2 курса факультета социальных наук

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

г. Астана

E-mail: alexandr.mokshev@gmail.com

Целью данной статьи является рассмотрение критики субъекта в философии постмодернизма выразившейся в его деконструкции. В данной статье будет рассмотрена критика лингвистическое направление деконструкции субъекта, показаны одновременно и общие тенденции языкового направления деконструкции субъекта постмодернистами и отсутствие четкой направленности этого процесса, что в целом соответствует духу данного философского направления.

В данной работе мы будем употреблять понятия «постмодернистский» и «постструктуралистский» как синонимы, согласно И.П. Ильину, считающему, что «оформившись в русле постструктуралистских идей, этот комплекс затем стал все больше осознавать себя как «философию постмодернизма» [3, с. 201—202].

Различными исследователями неоднократно отмечалось, что постструктурализм, в котором недоверие к субъекту достигло своего апогея, отличается специфическим *редукционизмом лингвистического толка*. О чем бы ни шла речь — о власти, о сексуальности, о литературе, о гендере и т. д., — этот текст не выходит за пределы самого себя. Поскольку, универсальное пространство для человека — язык, или дискурс, понятый как совокупность высказываний, организованных в систему по определенным правилам, то он предшествует каждому отдельному человеку. Тем самым, человек лишь присваивает себе языковые и дискурсивные практики, которые формируют его субъективность.

Согласно Е. Горошко, подобная точка зрения является характерной для философии постмодернизма: «Постмодернистская концепция утверждает, что реальность на самом деле — это своеобразный «лингвистический трюк» нашего сознания: то, что индивид воспринимает как реальность, на самом деле социально и лингвистически сконструировано [...] отношение человека к действительности опосредуется дискурсивной практикой» [2, с. 517].

Этот взгляд на язык показывает, что нам рано или поздно будет необходимо поставить перед собой вопрос о носителе языка — как о субъекте: конечно, не о грамматическом «субъекте», которым представляется говорящий в тексте, а о самом человеке, использующим этот язык. И этот вопрос приводит нас к следующему, и наиболее интересному вопросу: «Кто кого в действительности использует - мы язык или язык нас?»

Стратегия истолкования субъекта посредством язык, открытие его языковой опосредованности является характерным, прежде всего, для философии структурализма (Леви-Стросс, Лакан, Фуко в «археологический» период своего творчества др.).

Но наиболее знаковым мыслителем данного направления является Ролан Барт написавший в 1968 г. эссе «Смерть Автора». Одноименная концепция «Смерти Автора» выразила всю суть данной антисубъективистской тенденции.

В данной работе он критикует методы чтения и критики текста, подразумевающие центром, источником данного текста проявления тех или иных сторон личности его автора: его религиозные, политические и прочие взгляды, его историческую, этническую и социальную принадлежность, особенности его психики и другие частные особенности его личности. Все это, по мнению Барта, не должно учитываться при анализе смысла заложенного автором в текст. Этот метод чтения достаточно «легок», и кажется точным

и удобным, но на деле он показывает свою ненадежность и существенные недостатки: присваивание тексту автора и понимание его только в этой одной (авторской) интерпретации является наложением ограничений на его понимание.

Читатель обязан понимать текст безотносительно его автора, только так можно освободить его от тирании вышеуказанного метода толкования. Каждая часть текста заключает в себе множество смыслов, множество слоев значений. Барт сравнивает текст с тканью, для него текст это ткань из цитат источниками, которых являются бесчисленные места, центры культуры, рождающие ткань текста, и именно они, а не личный индивидуальный опыт, являются «автором», создающим это полотно. Так и основной смысл текста обусловлен впечатлениями читающего данный текст, а не волей или вкусами его писателя.

По Барту, автор, не оказывающий центрального творческого воздействия на текст, является просто писателем. Писатель не творит, его работа в том, чтобы делать, а не создавать. Писатель «рождается одновременно с текстом, ни в коей мере не обладает бытием во время до или после написания, [и] не является субъектом (подлежащим — англ. subject) с книгой в качестве предиката (англ. predicate)» [1].

В то же время, наиболее полную, комплексную попытку языковой критики субъекта в постструктурализме, по нашему мнению, содержит книга Мишеля Фуко «Археология знания» (1969), вышедшей всего через год после эссе Ролана Барта. Данная работа представляет собой теоретический комментарий к вышедшим прежде работам «археологического периода» его творчества.

Этой работой Фуко пытается составить методическую базу анализа дискурсивных практик и стремится к исключению психологизма, который широко распространен в методологии понимания текста. Фуко деконструирует и ставит вопрос о оправданности существования таких понятий как «автор» «книга», «произведение», «литература». Деконструкция субъекта у Фуко обусловлена его рассмотрением в контексте высказываний, группы которых образуют дискурсы. Одной из целей книги, по нашему мнению, является описание субъекта как нерационального, излишнего, можно сказать деструктивного элемента, вносящего в анализ ненужную ему трансцендентальность. «Вместо того чтобы рассматривать схему сознание-познание-наука (которая не может избежать субъективности), археология рассматривает схему дискурсивная практика-знание-наука. ... в то время, как история идей находит точки

равновесия своего анализа в элементе познания (вынуждая себя, тем самым, столкнуться с трансцендентальным вопрошанием)» [4, с. 182].

Фуко интересуют дискурсивные практики, их объединения (архив, эпистема) и степень их формализации (позитивность, эпистемологизация, научность, формализация). Эта система, на наш взгляд стала кульминацией лингвистической критики субъекта в постструктурализме. Исключение субъекта из описания языковой реальности, достаточно самостоятельной для существования помимо субъекта, реальности, которая позволяет существовать конструкту субъекта. Все что мы знаем о субъекте предстает перед нами в философии Фуко не более чем суммой его высказываний из которых создается иллюзия субъекта. «...различные модальности высказываний вместо того, чтобы отсылать к синтезу или к унифицирующей функции субъекта, манифестируют его рассеивание и отсылают к различным статусам, местам и позициям, которые субъект может занимать или принимать, когда поддерживает дискурс, к различным планам прерывности, «из которых» он говорит» [4, с. 54].

Необходимо отметить, что субъект у Фуко не только не нужный, не объясняющий и не обуславливающий ничего элемент, но и спекулятивная категория вынуждающая мыслителя искать и начало, и правило организации дискурса вне его самого, в некоем субъекте-демиурге дискурса. Он уже не столько бесперспективен, сколько вреден для философских построений поскольку, как мы отмечали ранее, введение категории субъект неизбежно вносит в дискурс трансцендентальность и тем сам разрушает необходимую его научность, т. е. приводит к деградации уровня формализации дискурса.

Место «классического субъекта» занимает дискурс. Он есть не более чем сумма высказываний, но для Фуко этого достаточно, чтобы представить его как нечто, определяющее существование субъективности, не выражение субъективности, а её причину: «Дискурс, таким образом, понимается не как разворачивающаяся грандиозная манифестация субъекта, который мыслит, познает и говорит об этом, а как совокупность, в которой могут определяться рассеивания субъекта и, вместе с тем, его прерывности» [4, с. 55].

Подводя итог, можно сказать, что для постмодернистской лингвистической критики субъекта характерна не только критика и переосмысление категории «субъект», как, например у Барта, но и преодоление субъекта, исключение данной категории из философии в целом как вредной у Фуко. Данное обстоятельство позволяет нам говорить одновременно и о развитии критики субъекта в трудах

постмодернистов и об отсутствии магистральной линии этой критики у представителей данного философского направления.

Важным является трактовка Мишелем Фуко дискурса как источника субъективности, по Фуко именно они создают ту изменчивую, полностью зависимую от дискурсов субъективность которую мы привыкли называть субъектом в классическом понимании этой категории.

Субъект в постмодернизме уничтожен, исключен за ненужностью в процессе его деконструкции. Критикуемый постмодернизмом за свое, «дурное» влияние на текст он был изначально рассмотрен как ненужная, «устарелая» категория. В итоге развития философии постмодернизма (у Фуко) деконструкция субъекта низводит его к сумме «субъектов дискурса» — субъективностей, не имеющих ни постоянной формы, ни постоянного содержания.

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994 — С. 384—391 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm> (дата обращения 18.05.2013).
2. Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие. ч.1 / Под ред. И.А. Жеребкиной. — Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. — С. 508—542.
3. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 255 с.
4. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр./Общ. ред. Бр. Левченко. — К.: Ника-Центр, 1996. — 208 с.

ФЕНОМЕН «МАССЫ» В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ставцев Константин Юрьевич

*студент 3 курса, кафедра Электроника, вычислительная техника
и информационная безопасность
ФГБОУ ВПО «Госуниверситет — УНПК»,
г. Орёл*

E-mail: k.y.stavtsev@mail.ru

Грещева Анна Анатольевна

*научный руководитель, канд. филос. наук,
доц. кафедры «Философия и история»
ФГБОУ ВПО «Госуниверситет — УНПК»,
г. Орёл*

*Я боюсь, что обязательно наступит день, когда технологии
превзойдут простое человеческое общение...*

Альберт Эйнштейн

В настоящее время, в эпоху становления информационного общества, взаимоотношения между людьми претерпевают значительные изменения. Это связано с трансформацией условий жизни, культурных ценностей и идеалов. Основной отличительной чертой информационного общества является создание глобального информационного пространства, обеспечивающее эффективное взаимодействие людей и удовлетворение их потребностей в доступе к мировым информационным ресурсам. В результате наблюдается тесная взаимосвязь человека и компьютера, по средствам которого первый пытается производить, хранить и обрабатывать главное богатство и основной ресурс информационного общества — информацию, а компьютерные технологии помогают поддержанию коммуникационной связи с остальными людьми. Новые технологии, несомненно, облегчают и по многим аспектам улучшают жизнь современного человека, делая её более комфортной, однако не на все объекты социального они воздействуют положительно. Представления о некоторых из них, таких например как масса (один из типов элементарной коллективной группы), начинают разрушаться, отходить в прошлое или приобретают новый способ функционирования в сложившихся условиях.

Одной из актуальных тем в современной социологии и социальной философии является исследование феномена «массы», так как масса, в настоящее время, играет одну из главных ролей в формировании современной культуры (стоит вспомнить такие понятия как массовое производство, массовое потребление, масс-медиа и многое другое). Б.А. Грушин в своей книге «Массовое сознание» даёт следующее определение массы: «...— ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения. Массы могут появляться случайно, но могут быть и заранее организованы в связи с тем или иным событием, что позволяет манипулировать массами для проведения тех или иных мероприятий (митингов, демонстраций и т. д.) [1, С. 234—235]. В эпоху становления информационного общества, мы можем наблюдать трещину, подрыв в понятии «масса». В своей книге «Восстание масс» Хосе Ортега-и-Гассет подчеркивает особенности, на наш взгляд, наиболее точно характеризующие человека «массы». Он пишет, что «человек масс — это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного, кто чувствует, что он — «точь-в-точь» как все остальные и при том несколько этим не огорчен, наоборот счастлив чувствовать себя таким же как все» [2, С. 12]. Сейчас можно наблюдать, как массу пытаются свести к псевдоиндивидуальности посредством помещения сознания индивидуума, по сути составляющего этой массы, в виртуальную реальность. В качестве инструмента, способствующего этому, используют всемирную сеть — интернет, в частности различные социальные сети, виртуальные, так называемые он-лайн, игры, симуляторы реальной жизни в виртуальном пространстве. В такой среде человек быстрее и без особых усилий делает себя «непохожим» на всех остальных. Он сам создаёт вою индивидуальность, точнее он становится таким, каким бы хотел быть в реальной жизни. Таким образом, этот признак является одним из существенных отличий между массой реальной и массой виртуального пространства. Если рассматривать массу со стороны составляющих её элементов, так сказать исходя из объёма, то можно сказать, что масса информационного общества редееет, по сравнению с массами предыдущих эпох. Неверным будет утверждение, что масса теряет свою суть, свой смысл, это уменьшение скорее сказывается в реальной жизни, в местах, где раньше она занимала весь объём пространства, предоставленный ей. Масса начинает занимать не квадратные метры, как это было раньше, а килобайты и мегабайты виртуального пространства.

Элиас Канетти в своей книге «Масса и власть» утверждает, что все барьеры, которые люди вокруг себя возводят, порождены страхом прикосновения, вмешательства в личное пространство: «человеку страшнее всего прикосновение неизвестного. Он должен видеть, что его коснулось, знать или, по крайней мере, представлять, что это такое. И только в массе человек может освободиться от страха перед прикосновением. Для этого нужна плотная масса, где тело прижато к телу, которая плотна так же в своей душевной конституции, то есть такая, где человеку безразлично, кто на него «давит»» [3, С. 23—24]. Находясь дома, окруженный четырьмя стенами и погруженный в информационное пространство, которое создает только лишь иллюзию защищенности, человек не способен избавиться от своего страха перед прикосновением, он лишь на какое-то время забывает о нём. Однако, виртуальная реальность не в силах решить эту проблему. С этой точки зрения масса реальная приобретает некую востребованность. Но стоит отметить, что люди, как и прежде образуют на просторах всемирной сети массы, которые формируются, исходя из определенных целей и интересов, но в данном случае есть одно существенное отличие, которое дает преимущество виртуальной массы перед массой реальной. Масса в виртуальном пространстве не обладает в полной мере своей силой, той стихийной мощью, которой обладает масса реальная. Масса реальная громит витрины и улицы, разрушает города под действием определённых настроений, которые создаются внутри массы из вне. Из этого мы можем сделать следующий вывод: огромный плюс массы виртуального пространства, состоит в том, что она не сможет быть разрушающим орудием в руках манипуляторов.

Эпоха информационного общества — это, безусловно, эпоха прогресса во всех сферах деятельности, это повышение уровня жизни людей. Но, как известно, цивилизация это не только высокий уровень жизни людей и материальные блага, это, прежде всего, высокий уровень духовности и культуры людей. Люди информационного общества находятся в добровольном заключении или точнее сказать изоляции. Ежедневно окружая себя стенами домов и квартир, барьерами из знаков и символов виртуальных пространств, пытаясь забыть о своих страхах, они обманывают себя тем, что живут полноценной жизнью. Реальный окружающий мир теряет для них свой смысл. Свободный доступ к, практически, любого вида информации и возможность её изменения и корректировки приводит к «появлению в социальной среде, так называемых псевдоинтеллектуалов», о которых упоминает еще Х. Ортега-и-Гассет [2, С. 16]. Если

бы мы спросили человека информационного общества о Микеланджело, то он, при желании, смог бы рассказать о нём многое: название работ, политические взгляды, основные периоды творчества и т. д. Такие возможности современному человеку в условиях информационного общества дает доступ к многочисленным ресурсам: книги, статьи, видео, фото, различные документальные фильмы. Тем не менее, с уверенностью можно сказать, что человек, довольствующийся виртуальной реальностью, никогда не сможет узнать, как пахнет в Сикстинской капелле, рассмотреть оригинал удивительной росписи на её сводах. Человек информационного общества вынужден полностью доверять тем материалам, которые предоставляет ему всемирное информационное пространство. Но огромное количество информации, с которым человек не всегда в силах справиться, это ещё не есть знания. Творения, созданные когда-то для людей (тех, кто в настоящее время предпочел картинку на экране своего компьютера посещениям музеев), здания, архитектурные сооружения, площади, храмы, парки и т. д. заполняются пустотой, тогда как должны быть заполнены массой. Но масса теряет свой прежний объём и облик как было сказано выше. Меняется отношение людей, которые практически полностью доверяют свою жизни оцифрованной виртуальности, окружающей их. Масса является неотъемлемой частью, элементом огромного социального организма. И если изменения происходят в каком-либо, пусть даже совсем незначительном его «органе», — это в определенной мере отражается на всём организме.

Список литературы:

1. Грушин Б.А. «Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования». М.: Политиздат, 1987. — 369 с.
2. Ортега-и-Гассет «Восстание масс». М.: АСТ, 2003. — 357 с.
3. Элиас Канетти «Масса и власть». Пер с нем. М.: Астрель, 2012. — 574 с.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЕ НАУКИ: ПРОГРЕСС ИЛИ ДЕГУМАНИЗАЦИЯ?

Тургенева Ольга Юрьевна

*канд. филос. наук, преподаватель
кафедры философии факультета социологии и права,
Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт» (НТУУ «КПИ»),
г. Киев*

E-mail: pacifermann@mail.ru

Корогод Мария Валериевна

*студент факультета социологии и права,
Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт» (НТУУ «КПИ»),
г. Киев*

«Ничто не устаревает такими темпами, как будущее» — пишет американский журналист и литературовед Брюс Стерлинг. Последние достижения науки и техники, искусства, плоды творческой деятельности биологов и физиков, медиков, архитекторов, инженеров и программистов, стремительно занимают место в нашей жизни и не менее стремительно сменяют и дополняют друг друга в процессе развития и совершенствования человеческих познаний. Научные достижения — неотъемлемый атрибут повседневной жизни современного человека. Современные научные феномены характеризуются междисциплинарностью; они все чаще неотделимы от феноменов социальных и требуют осмысления с точки зрения различных отраслей гуманитаристики, в частности — социальной философии.

Современный мир, во всем многообразии его проявлений, создавался постепенно. Уже в XX веке человек совершил скачок в будущее, невиданный ранее. За последний век было изобретено множество вещей, создающих обыденность современного человека: от скрепки и термоса — до телефона и плазменного телевизора, от открытия атомного ядра — до первого в истории клонирования. Возможности человека за 100 лет расширились до умопомрачительных масштабов: он вышел в открытый космос и проник в глубины клеток живых существ, научился сверхбыстрой передаче информации, изобрел робота.

Новейшие исследования и разработки помогли сделать шаг на новую ступень развития и то, казалось бы, далекое «будущее», с его фантастическими возможностями, уже вторглось в нашу обыденную жизнь. Множество авторов – от писателей-фантастов до ученых-футурологов пытались представить себе, какими станут мир и человек, какие изменения и, что наиболее важно, какие последствия этих изменений ожидают нас?

Углубляясь в догадки и прогнозы, философы, социологи, писатели-фантасты стали нашими проводниками в мир еще не существующих, но уже стоящих на пороге открытия, достижений. О. Хаксли и Д. Оруэлл, Э. Тоффлер и Д. Нейсбитт, Г. Уэллс и С. Лем не только показали возможности прогнозирования будущего, но и попытались предостеречь от возможных опасностей, которые оно в себе таит. Вслед за научной фантастикой стала развиваться такая область исследований как футурология; ввелось множество новых понятий: «постчеловек», «постинформация», «технологическая сингулярность», «трансгуманизм», «нанообщество» и т. д.

Масштабность изменений и трансформации всех областей жизнедеятельности человека, которые в ближайшее время превратятся из догадок в реальность, стирая прошлые представления не только о технических и технологических возможностях общества, но и о других значимых областях общественной жизни — экономике, семье, этике, образовании, подводят к вопросу: каким же станет сам человек?

«Окно» в футурологию «прорубил» английский писатель Олдос Хаксли, издав в 1934 году свой великий роман-антиутопию «О дивный новый мир». В романе Хаксли описывает мир, в котором не существует болезней, депрессий, социальных конфликтов, одиночества; мир, в котором гарантировано немедленное удовлетворение всех желаний, где нет семьи, и никто не читает книги; мир, где все счастливы. Но в чем же антиутопичность этого произведения, если в природе человека стремиться к тому, чтобы жить неизменно здоровым и счастливым? Не смотря на то, что поверхность такой «отполированной до блеска» действительности чиста и «приятна на ощупь», проблема лежит намного глубже и имеет фундаментальный характер. Эта проблема описывается концептом «дегуманизация».

Под дегуманизацией в социальной философии понимают утрату гуманистических начал, общечеловеческих морально-этических и духовных ценностей, трансформация гуманистического мировоззрения (человечность, уважение к личности и индивидуальным особенностям и т. д.) Дегуманизация предполагает лишение людей подлинно человеческих качеств (творческих способностей, сопережи-

вания, равнодушия и т. д.); именно поэтому «идеальное» общество, описанное в романе Хаксли, можно назвать дегуманизированным. Как отмечает специалист по биоэтике Леон Касс, *«дегуманизированные по типу «Дивного нового мира» не несчастны; они не знают, что они дегуманизированы, и того хуже — если бы знали, им было бы все равно. Это счастливые рабы с рабским счастьем»* [1, с. 35].

Тенденции к дегуманизации отмечал Х.Ортега-и-Гассет еще в XX веке («Восстание масс», 1930; «Дегуманизация искусства», 1925). Возможно ли проследить приводящую к дегуманизации тенденцию «упрощения» жизни в современном обществе? Получив во время Второй мировой войны тяжелый урок отрицания гуманистических оснований жизни, общество провозгласило человека главной своей ценностью, но получило угрозу дегуманизации с безопасной, казалось бы, стороны — прогресса.

Еще в 60-х годах XX столетия западное общество почувствовало на себе значительное изменение отношения человека к вещам. Переходя к фазе постиндустриального общества, США способствовало распространению «временности» предметов обихода: одноразовые вещи, будучи более практичными, заполнили дома, система имущественного найма привела к тому, что на прокат можно взять практически все: от видеофильма — до драгоценностей, от машины — до «мужа на один вечер». Продолжительность отношений между человеком и вещью, которой он пользуется, значительно сократилась, так как устаревание продукции теперь, по большей мере, не детерминируется невозможностью дальнейшего функционирования или появлением нового, более качественного, продукта. Устаревание сегодня — это *изменение самих потребностей человека* и связанных с этими потребностями функций вещи. Первичное назначение и функциональные характеристики вещи в современном мире (мире массовой культуры и «симулякров») отошли на второй план, а их место заняли престиж и самовыражение личности владельца.

Вслед за ускорением использования товара идет и ускорение изменения самих потребностей, которые, быстрее сменяя друг друга, становятся все более разнообразными и все менее долгосрочными, а изобилие способно так же быстро их удовлетворить. Быстрая смена предметов обихода, работы, жилья, транспортного средства ведут нас к эпохе «временности», которая, к тому же, затрагивает и сферу социальной интеракции, порождая такие понятия как «временный работник», «временный друг», «временный супруг».

Таким образом, анализируя современное общество, можем сделать закономерный вывод, что революционное изменение

общества, обусловленное развитием науки, сможет (в стиле Хаксли) привести к победе над болезнью, голодом, скукой и одиночеством. Человек не будет жить в единообразии, а напротив — получит возможность бесконечного выбора и самореализации. А основной проблемой «общества будущего», как пишет Э. Тоффлер: *«станет не выживание в условиях жестокого режима и стандартизации, а проблема выживания в условиях полной свободы»* [3, с. 209].

Такие глубинные изменения восприятия окружающего мира не обойдут стороной и восприятие того, что некогда казалось неизменной данностью — человеческого тела. Уместным было бы упомянуть и «феномен постинформации», одна из значимых черт которого проявляется в актуализации тела, в стремлении к непосредственным телесным переживаниям, «задавленным» в эпоху популярности виртуальных сред и опосредованной ими информации (информационную эпоху); и изменение возможностей человеческого тела при помощи «дополненной реальности» (сформированной посредством смартфонов, «Google Glass», «умных домов» и т. д.).

Еще одно важное и дискуссионное направление науки, приводящее к трансформации тела и его восприятия, — генная инженерия, берущая начало в евгенических учениях XX века. Понятие «евгеника» было введено еще в 1863 году английским психологом Фрэнсисом Гальтоном и подразумевало изучение возможностей улучшения наследственных качеств человека. Пиком популярности евгеники стали 20-е, 30-е годы XX века, когда ей не только выделялось весомое место в научном пространстве, но и определенная социально-политическая роль, утвержденная на государственном уровне (например, постановления о стерилизации населения с «плохой наследственностью»). Сегодня на смену евгенике пришла генная инженерия, сразу получив широкую популярность, растревожив не только верующих и моралистов, но и экономистов, политиков, философов. Познания в области генетики способны полностью перевернуть наше представление о назначении медицины. В отличие от развивавшейся на протяжении веков медицины, генная инженерия переступит границу гуманистического понимания человека и будет оценивать его как продукт производства. Уже сегодня медицина делает нам заманчивые, но «двойные» предложения: так, биотехнологии предлагают человеку опасную сделку, в которой увеличение продолжительности жизни сопровождается ухудшением умственных способностей, депрессии исчезнут вместе с творческим потенциалом, медикаменты от одних болезней приводят к развитию других. Эти проблемы, однако, могут в скором времени уйти в прошлое;

в будущем на приеме у врача мы будем не просто улучшать состояние здоровья, а делать «заказ» тех характеристик, которые хотим себе присвоить и, что самое главное, они будут иметь характер временных, дешевых, доступных и обратимых изменений. Генетика подарит нам красивое тело, острый ум, сделает выше (или ниже), решит проблемы со зрением, изменит цвет волос. Подобные процедуры станут самым обыкновенным делом с помощью генной терапии (добавления, изъятия или модификации ген). Расшифровка ДНК и манипулирование ее структурой способствуют новым и новым открытиям в молекулярной биологии, нейрофармакологии, когнитивной неврологии, а это, в свою очередь, позволяет расширить знания о мозге и человеческом поведении, что, в конечном счете, позволит более эффективно им управлять.

Естественно, многие разработки генетики подвергаются жесткой критике и скрупулезному изучению со стороны представителей биоэтики. Но некие вопросы занимают самую верхушку разнообразных споров.

Во-первых, еще в 1970 году в своей работе «Шок будущего» Э. Тоффлер предположил, что вскоре человек научится выращивать органы тела и начнет эксперименты с различными средствами их модификации. И сегодня эта возможность практически осуществилась. Если несколько десятилетий назад выращивание и трансплантация внутренних органов могли служить лишь выдумками фантастов, то сегодня специалисты в области биотехнологий смогли сделать это реальностью, обойдя, к тому же, проблему клонирования человека. В 2009 году на конференции Европейского общества исследователей генетики человека профессор Хиромицу Накаучи сообщил, что человеческие органы можно выращивать посредством «межвидовой бластоцистной комплементации», что вне сложной терминологии подразумевает выращивание органов в теле животного (в данном случае — в теле свиньи). Но возможна и иная перспектива: спрос на органы для трансплантации приведет к тому, что наука сделает следующий шаг в развитии биотехнологий и создаст искусственные органы. Такие пластиковые и электронные заменители сердец и почек станут новым видом индустрии, которая будет покорять мировой рынок в соответствии с возросшими потребностями. Искусственные имплантированные органы слуха и зрения, кровеносной системы и кожного покрова смогут стать функциональными эквивалентами природных органов, а возможно и более совершенными их версиями. Искусственные заменители, которые могут функционировать более эффективно, позволят своему носителю приобрести

новые способности. Это приведет к тому, что медицина (и трансплантология — в частности), займет более важную роль и будет служить не просто для сохранения жизни и здоровья, но и даст возможность искусственно усовершенствовать возможности организма. Таким образом, возникает множество неоднозначных вопросов по поводу отношения к целостности человеческого организма, коммерциализации, или «отовариванию», трансплантации частей тела человека и созданию искусственных и более совершенных органов.

Во-вторых, важнейшим вопросом современности является клонирование, как терапевтическое, так и репродуктивное. Терапевтическое клонирование подразумевает использование эмбриона как продукта для получения стволовых клеток, генетически совместимых с донорским организмом. А далее эмбрион разрушается, а стволовые клетки применяются для лечения многих заболеваний. Такой метод вызвал достаточно бурную реакцию церкви и множество экспертных оценок перспектив его развития. Не являются ли использование и уничтожение эмбрионов действиями, нарушающими права человека? Но еще большие дискуссии разразились вокруг второго способа клонирования — репродуктивного. Оно предполагает создание точной «копии» человеческого организма. Получившаяся «копия» человека существовала бы с генетическими способностями, идентичными способностям донора. Но тогда каким образом будет выстраиваться самоидентификация личности клона? Как будут решаться правовые вопросы? Кто и какую несет ответственность за новую искусственно созданную особь? Ведь принцип природного равенства нарушен и человек родился в условиях «несвободы».

С подобными же этическими и правовыми противоречиями сталкивается еще один важный вопрос генетики — вопрос «ребенка на заказ». Имеется в виду, что генетика будет в силах найти и модифицировать гены таких личностных характеристик как рост и цвет волос, интеллект, агрессивность, что сделает возможным создание «улучшенной версии» ребенка. *«Как только появится возможность имплантировать отобранные гены в яйцеклетку внутри матки, будет дан мощнейший толчок развитию принципиально новой отрасли генетики. Появится новая разновидность людей, радикально отличающихся от убогой нормы. Генетически модифицированные супердети кажутся гораздо более привлекательными и эффективными, нежели просто клонированные»* — пишет Брюс Стерлинг [2, с. 19]. Несложно представить себе последствия такого прорыва: мы будем жить в фантастическом мире, населенном улучшенными версиями человека. Совершенство тела и разума будут

нормой, новые физические возможности станут привычными. Мы сможем создавать «поколения математических гениев» и «поколения идиотов», детей со сверхслухом и сверхзрением, невероятной выносливостью, силой и иммунитетом. «Планирование детей» станет модной индустрией. Те методы, которые вскоре будут доступны, сломают традиционные ограничения и общество испытает на себе воздействие нововведений, изменяющих наши представления не только о собственном теле и его возможностях, но и о сексуальности, деторождении и материнстве, любви и образовании.

Этическая проблема исходит из того, что генофонд новорожденного и, следовательно, исходные органические условия его будущей жизни исключаются из сферы программирования и целенаправленной манипуляции. Случайные процессы оплодотворения и непредсказуемость создают важное условие неуправляемости природой. Именно в этом, по мнению Ю. Хабермаса состоит своеобразная *основа равенства межличностных отношений*. То, что человек получает в начале жизни, как результат природного отбора, не зависит от его социального положения и заслуг родителей. Причем взаимная неуправляемость распространяется и на вертикальные отношения родителей и потомков, и на горизонтальные отношения сверстников, определяя между ними довольно симметричные структуры взаимной ответственности. Хабермас отмечает: *«Эта новая структура ответственности возникает вследствие стирания границы между людьми и вещами — точно так же как это происходит сегодня в случае с родителями ребенка-инвалида, которые, прибегая к гражданскому иску, деляя врачей ответственными за материальные последствия ошибочного пренатального диагноза, требуют «компенсации за причиненный ущерб», как будто появившейся вопреки ожиданиям медицины органический ущерб можно компенсировать таким же способом, как это происходит с любой сломанной вещью»* [5, с. 24]. Таким образом, неуправляемость генетическими задатками будущего человека является важной предпосылкой его самосознания как свободной личности. Поэтому, как только родители начнут рассматривать желаемый генетический арсенал потомков как продукт, придумывая его «дизайн» по своему усмотрению, они начнут использовать по отношению к собственным творениям, полученных в результате генетических манипуляций, такой тип управления, который вторгается в основы отношения к себе и нравственной свободы другой личности. Повзрослев, дети потребуют «отчет» и возложат всю ответственность на своих «творцов» за нежелательные последствия генных манипуляций, результатом чего

будет возникновение нового типа зависимости одного человека от другого — зависимости «человек-вещь».

Проблемы развития биотехнологий, описанные выше, подводят к наиболее обширному вопросу в области футурологии — вопросу *постчеловечества*. Понятие постчеловечества, и постчеловека соответственно, подразумевают такой этап становления «человека будущего», на котором самые совершенные технологии позволят ему стать обладателем принципиально новых физических и интеллектуальных способностей. Идею перехода человека на новую более высокую ступень поддерживает трансгуманизм, который, переосмыслив достижения и перспективы науки, признает возможность и необходимость фундаментальных изменений человека с помощью технологий. Последователи трансгуманизма считают, что постчеловек станет высшим звеном эволюции, преодолеет старение и смерть, чему поспособствуют развитие в дальнейшем нанотехнологий, криобиологии, разработки в сфере искусственного интеллекта, робототехники и генетики. Трансгуманизм рисует нам будущее, где уже в 50-х годах XXI века мегаполисы будут заселены первыми версиями «совершенных людей» с модифицированными генами, протезами, металлическими каркасами, главными характеристиками которых будут программируемость, заменяемость и временность.

В свою очередь, критик трансгуманизма Ф. Фукуяма задает важный и актуальный вопрос: «*что именно мы хотим защитить от любого грядущего прогресса в биотехнологиях?*» [4, с. 244]. Не стоит ли сама человеческая природа и основанные на ней права человека того, чтобы задуматься о подобном «постчеловеческом будущем»? Рассудок, эмоции, нравственный выбор, основанный на сочувствии, стыде или гневе, формируют всю сложность человеческой натуры, которая и требует защиты от попыток самомодификации. Критикуя трансгуманизм, многие мыслители подчеркивают опасность «киборгизации», модификации, вычленения человека из лона природы и становление его как неотъемлемой части техносферы.

Таким образом, сегодня сформировалось два противоположных направления в обсуждении вопросов развития технологий. Первое направление считает, что нужно позволить развиваться технологиям и разрешить их использование для «совершенствования» человека. Второе же утверждает, что моральные и этические противоречия фундаментальны и их невозможно обойти в вопросах биотехнологий: от трансплантации органов и штучного оплодотворения до создания постчеловека. Тем не менее, до тех пор, пока вопросы клонирования человека, геной инженерии, модификаций тела и создания нового

сорта людей стоят за гранью реально осуществимой возможности, они могут обходиться подобной теоретической поляризацией. Но как только это изменится, и наука перейдет на новый уровень возможностей, как вседозволенность развития биотехнологий, так и полный их запрет, станут невозможными. Все актуальные вопросы будут требовать более дифференцированного подхода с боку этики, экономики и законодательства.

С новыми возможностями науки и техники возникнет и другой не менее важный вопрос возможности адаптации человека к новому обществу будущего. Теоретик трансгуманизма Э. Юджовски, размышляя о технологических изменениях и развитии науки, развил идею тоффлеровского футурошока и предложил «уровни шока будущего». Уровни футурошока — это уровни представления людей о будущем и тех идеях, которые они готовы рассматривать, в противоположность тем идеям, которые для них слишком шокирующи. Так, если первый и второй уровни предполагают возможность клонирования, значительных модификаций, а возможно и физического бессмертия, то третий и четвертый уровни, говоря о полной перестройке тела и сознания, «технологической сингулярности» (термин, обозначающий такой этап развития науки, когда открытия будут совершаться незамедлительно одно за другим), которые ведут к формированию постчеловечества. Таким образом, как с точки зрения этических противоречий и гуманизма, так и адаптивных возможностей человеческой психики к ускоряющимся изменениям, целесообразно поднять вопрос: каким образом общество может контролировать темпы и масштаб развития биотехнологии?

Как отмечает С. Хоружий в статье о проблеме постчеловека, *«дискуссия, где взвешиваются все Pro et Contra в проблеме Постчеловека и решается судьба Человека, превращается в карнавальный матч «Трансгуманисты против Биоконсерваторов», в котором обе команды стоят одна другой по узости и примитивности видения»* [6]. Вопрос о природе человека стал важнейшей проблемой, от решения которой зависит наше будущее. Независимо от того, какая сторона окажется права, нас ждут радикальные изменения. И если мы сумеем переосмыслить сущность своей природы и определить, чему оставаться неизменным, а чему — меняться, эти изменения могут стать не крахом человека, но его обновлением, а новые технологии будут не угрозой, а ресурсом для дальнейшего развития.

Список литературы:

1. Стерлинг Б. Будущее уже началось: Что ждет каждого из нас в XXI веке? — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. — 264 с.
2. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. — М.: «Издательство АСТ», 2002. — 557 с.
3. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. Пер. с англ. М.Б. Левина. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2004. — 349 с.
4. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. — М.: Издательство «Весь Мир», 2002. — 144 с.
5. Хоружий С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии» // *Философские науки*. — 2008. — № 2. — С. 10—32.
6. Leon Kass, *Toward a More Natural Science: Biology and Human Affairs*. — New York: Free Press, 1985. — 388 p.

3.4. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА В ДРЕВНЕМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

Даньшин Александр Владимирович

*канд. юрид. наук, зав. кафедрой
Кем И (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Кемерово
E-mail: danhin@kemcity.ru*

Официальное отношение государства к купеческому сословию, определившее в дальнейшем их правовой статус в древнем и средневековом Китае, складывалось вместе с формированием двух основных философских учений, ставших фундаментом традиционного китайского права — конфуцианства (*жу-цзя* 儒家) и легизма (*фа-цзя* 法家). С возникновением в глубокой древности теории «четырёх общественных занятий», считалось, что общество состоит из ученых-чиновников (*ши* 士), делом которых было управление, а также крестьян (*нун* 农), ремесленников (*гун* 工) и торговцев (*шан* 商), которые должны быть управляемыми. При этом согласно древнему традиционному представлению о том, что «земледелие — ствол, а торговля — ветви», первое считалось основным, фундаментальным занятием, а ремесло и торговля — второстепенным. В конфуцианстве торговлю считали второстепенным занятием исходя также из своих представлений о «совершенном муже» (*цзюньцзы* 君子), главными качествами которого должны быть человеколюбие, справедливость, сыновняя почтительность и честность, чем, по их мнению, никак не могли обладать купцы. Именно торговцы, считали они, представляли собой наибольшую потенциальную опасность для установленного в государстве порядка, так как их деятельность была направлена не на морально-этическое совершенствование, а на приобретение материальных благ.

Средневековая художественная литература Китая нередко представляла повседневный быт купцов и торговцев в неприглядном виде. Например, в одном из своих сатирических эссе известный конфуцианский автор VIII в. Лю Юй-си так описывается их обычный

рабочий день на рынке: «Сердца их возбуждены. Жадные глаза ни на мгновение не закрываются. Притворяясь, что делают благо, они своими лукавыми словами причиняют [многим] неприятности. Точный вес [гирь] испорчен их ловкими руками. Они торгуют, используя в личных целях малейшие различия в весе. Злые сплетни натирают уши. Процвешают клевета и обман. ...Они поднимают ужасный гвалт, а также пыль и грязь, их головные повязки и сандалии отвратительно воняют подобно стаду козлов. Собираясь на рынок, они ругаются и грызутся друг с другом, а когда, возвращаются домой, то снова начинают то же самое. ...Все поглощены только тем, чтобы действовать подобно собакам, питающимся падалью или отвратительным вороном, в восхищении овладевшим небольшими гнилыми остатками» [9, с. 229—230].

Кроме этого купечество, в соответствии с теорией «четырех общественных занятий», показывало населению дурной пример социального продвижения, основанного не на успехах в военной или гражданской службе, а на простом приобретении богатств, что также противоречило официальной конфуцианской доктрине. Чувство зависти, возникающее у тех, кто видел, что купцы «способны за один день заработать столько, что могут жить на это в течение года, в то время как крестьянин, трудясь непрерывно в течение года, все равно не может себя обеспечить» [8, р. 66], вызывало в обществе опасность социального взрыва. Чтобы этого не происходило, истинный государь должен был высоко ценить «основное занятие» и постоянно давать отпор «второстепенному». Примером в этом для конфуцианцев был, например, правитель династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) Гао-цзу и четыре его преемника, которые, в частности, запретили купцам, а также их сыновьям и внукам, занимать должности в государственном аппарате и становиться чиновниками. Легисты также советовали монархам поддерживать земледелие и всячески подавлять ремесло и торговлю [5, с. 105; 7, р. 151, note 159]. Однако, пути поощрения «основного» и подавления «второстепенного» у легистов были несколько иными. Если для конфуцианцев главной целью было ограничение прибыли, а также ряда личных и политических прав торговцев, то легисты считали необходимым увеличение в отношении купечества налогового бремени и других государственных повинностей, а также существенное сокращение частной торговли путем установления государственных монополий и, даже, в идеале, полное огосударствление «второстепенного занятия» и искоренение частных торговцев как отдельной социальной группы [5, с. 107]. В своей экономической

программе известный реформатор древнего Китая, основатель философской школы легистов Гунсунь Ян (390—338 гг. до н. э.), вошедший в историю под именем Шан Ян, предлагал полностью запретить частную торговлю зерном, чтобы купцы не могли скупать сельхозпродукты в урожайные годы по низким ценам, поскольку в отличие от государства они обязательно будут в голодные время продавать их втридорога. Причем в этом, по его мнению, можно не сомневаться, так как «подобно тому, как поток воды стремится лишь вниз, а не на четыре стороны, так и люди стремятся лишь к богатству» [2, с. 228]. В приписываемом Шан Яну трактате «*Шан цзюнь шу*» («Книга правителя [области] Шан») говорится: «Если они лишатся крупных барышей, то будут бояться [разорения], а коль скоро торговец боится [разорения] он захочет стать землепашцем» [2, с. 143]. Предлагая значительно увеличить торговые пошлины, установить жесткий государственный контроль над деятельностью купцов и, даже, уменьшить их численность, Шан Ян ясно осознавал необходимость развития торговли для процветания общества, называя её, наряду с земледелием и управлением, одной из трех основных функций государства. В тоже время, торговая деятельность, по его мнению, порождала паразитов в виде пристрастия к роскоши, что наносило вред не только торговле, но и безопасности страны. Когда земледельцы увидят, что «несмотря на свой упорный и тяжкий труд, получают весьма малые доходы и находятся в гораздо худшем положении, нежели купцы», «...они непременно станут уклоняться от земледелия. Если люди станут уклоняться от земледелия, то они будут с легким сердцем оставлять насиженные места. А [если народ] оставляет свои насиженные места не задумываясь, то он ни за что не станет ради правителя оборонять страну и идти в бой» [2, с. 153—154]. Чтобы предотвратить такое развитие событий, которые с неизбежностью должны были привести к гибели государства, Шан Ян предлагал ряд важных мер, в числе которых считал необходимым установить высокие цены на зерно, а также на вино и мясо, закрепив для двух последних видов товара торговый налог в десять раз превышающий их первоначальную стоимость, существенно увеличив, кроме этого, таможенные и рыночные пошлины на все остальные товары. Купцы в результате этих мер «будут вынуждены забросить свои дела, и устремятся в поисках прибыли в сельское хозяйство», что коренным образом должно изменить ситуацию при которой «один человек обрабатывает землю, а сотня людей питается [плодами его труда], что гораздо опаснее, нежели нашествие саранчи». Те купцы, что не оставят свое дело,

должны будут за свой собственный счет снабжать армию оружием и защитным обмундированием, что может быть приравнено к военной службе, а также привлекаться вместе с работающими у них людьми для общественных работ и выполнения других государственных повинностей [2, с. 144—152, 225—226]. В тоже время, провозглашенный Шан Яном, возможно первым из мыслителей древнего Китая, принцип «равных возможностей» позволял представителям низших сословий, в число которых входило и купечество, поступать на государственные должности путем их официальной покупки [2, с. 72—73]. Хотя уже при династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э) купцы, а также их сыновья и внуки такой возможности специальными законами были лишены [8, р. 68]. Такой же запрет существовал и в большинстве других централизованных империях Китая.

Важной задачей государства в отношении купечества было, в связи с рекомендациями конфуцианцев и легистов, создание правовых условий, которые с одной стороны не допустили бы превращение его в конкурента официальной политической элиты чиновников и ученых, а с другой гарантировали бы постоянное пополнение за их счет государственного бюджета. На решение этих задач было направлено множество правовых ограничений, начиная от мелочной регламентации стиля одежды и украшений торговцев, правил организации свадеб, похорон и др., до установления различных монополий и тотального контроля над их коммерческой деятельностью. Например, несмотря на возможность купцов приобретать себе дорогие вещи, им позволялось носить одежду только такого же цвета и качества, как у простых ремесленников и крестьян, а также буддийских или даосских монахов [6, р. 140]. При Ханьской династии им запрещалось носить меха и украшения из золота, серебра и драгоценных камней, а также ездить верхом на лошадях или в паланкине, а при династии Суй (581—618 гг.) они вынуждены были даже ходить в одежде черного цвета как у мясников, актеров, слуг и представителей других «подлых» профессий, что отличало их простых горожан, носивших одежду белого цвета [8, р. 67]. Подобные правила, сохранившиеся в Китае вплоть до начала XX века, были, тем не менее, обременительными, пожалуй, только для торгово-ростовщической элиты. Для всего же купеческого сословия и, прежде всего, мелких и средних торговцев, по-настоящему серьезной проблемой являлась политика государства, направленная на постоянное сдерживание их коммерческой инициативы, а также принудительные займы и различные дополнительные налоги, периодически вводимые как центральной, так и региональной властью для решения своих

финансовых проблем. Чаще всего это были налоги на соль, чай, бамбук, древесину, лак, спиртные напитки, а также на всевозможные рыночные сделки, транзитные, складские, таможенные операции и др.

Между тем, несмотря на сохраняющееся в целом более чем критическое отношение конфуцианства и легизма к купеческому сословию, а также существование законодательных запретов на занятие торговцами государственных должностей, среди получивших классическое конфуцианское образование чиновников периода династии Тан (618—907 гг.) распространяется новая трактовка одой из конфуцианских идей, прозывавшая использовать на государственной службе людей в соответствии с их способностями. Например, крупный государственный деятель и признанный корифей золотого века китайской поэзии Бо Цзюй-и (772—846 гг.) становится на сторону тех губернаторов, которые в списки кандидатов на сдачу специальных государственных экзаменов (*кэцзюй* 科舉), открывших дорогу к чиновничьим должностям, считали возможным включать сыновей и внуков купцов. В ответ на сомнения в законности таких решений, он предлагает использовать следующую аргументацию: «Экзаменационная система направлена на отбор исключительно мудрых и добродетельных мужчин. Разве можно отказываться от наиболее опытных кандидатов только на основании их происхождения! Если единственное возражение [в отношении торговцев] состоит в том, что они являются мелкими и низкими, как Вы можете отклонить того, кто может оказаться наилучшим и выдающимся? Если бы Вы нашли золото среди гравия то, конечно же, не отказались бы подобрать его только потому, что этот кусок золота смешан с ничем не стоящим материалом? ...Единственно разумное соображение должно заключаться в том, чтобы отобранные [для государственной службы] люди оказались наиболее достойными» [8, р. 90].

Снятие с XIV в. запрета на участие купечества в этих экзаменах сделало возможным радикальные изменения в их правовом положении. Достаточно широкие слои купечества впервые получили реальную возможность войти в ряды привилегированного ученого сословия *шэньши* (紳士) и стать, таким образом, частью культурной и политической элиты китайского общества со всеми вытекающими для них отсюда благоприятными последствиями. Получив даже самую низшую учёную степень *сюцай* (秀才), они освобождались от телесных наказаний, военной службы, трудовых повинностей и некоторых налогов, а также приобретали право на смягчение наказаний за многие уголовные преступления [1, с. 197]. Местные органы власти, которые нередко испытывали дефицит управленческих кадров по организации

торговой деятельности, использовали большой профессиональный опыт в этой области купцов. Выходцы из купеческого сословия отвечали за сбор торговых и транзитных пошлин, организацию ирригационных работ, формирование отрядов самообороны и др. [3, с. 239]. Даже если купцы и не привлекались к государственной или муниципальной службе, им нередко вполне было достаточно той славы и уважения, которые они приобретали среди членов своего клана и односельчан, а также особого отношения к ним со стороны представителей местных властей, от произвола которых *шэньши*, благодаря своему статусу, были защищены. В знаменитом романе известного писателя-сатирика XVIII в. У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианцев» отмечалось, что обладатель учёной степени «стоит на равной ноге с начальником округа или уезда и может прийти к ним с любой просьбой, а те не вправе отказать» [4, с. 512]. Важную роль в возможности таких изменений, несомненно, сыграли философские идеи конфуцианства и легизма, обосновавшие необходимость перехода от ортодоксального отношения к купцам, основанного на теории «четырёх общественных занятий», к государственной политике, ориентированной на практические нужды экономического развития страны, объективно требовавшие значительного повышения их правового статуса. Влившись в сословие *шэньши*, перед купцами отрывались широкие перспективы успешного развития торгово-экономической деятельности, а власть получала в их лице достаточно широкую социальную базу для укрепления культурного единства китайского общества и политической стабильности в стране.

Список литературы:

1. Васильев Л.С. Культура, религии, традиции в Китае. — М.: Вост. лит., 2001. — 488 с.
2. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Изд. 2-е, доп. Пер. с кит., вступит. ст., коммент., послесловие Л.С. Переломова. — М.: Ладомир, 1993. — 392 с.
3. Никифоров В.Н. Специфика господствующего класса в старом Китае (сословие *шэньши*) / Роль традиций в истории и культуре Китая. Сб. ст. М.: Наука, 1972. С. 237—248.
4. У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев. Пер. с кит. Д. Воскресенского. М., 1999. 636 с.
5. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Ян те лунь). Т. 1. Пер. с кит., введ. И коммент. Ю.Л. Кроля. — СПб: «Петербургское Востоковедение», 1997. — 416 с.

6. Ch'u Tung-tsu. *Law and Society in Traditional China*. — Paris., 1961. — 304 p.
7. Hulsewe A.F.P. *Remnants of Han Law*, vol. 1, *Introductory Studies and an Annotated Translation of Chapters 22 and 23 of the History of the Former Han Dynasty*. *Sinica Leidensia*, vol. IX. — Leiden: E.J. Brill, 1955. — 416 p.
8. Twitchett D. *Merchant, Trade and Government in Late T'ang* // *Asia Major*, vol. XIV, part 1, 1964. P. 63—95.
9. Twitchett D. *The T'ang Market System* // *Asia Major*, vol. XII, 1966, № 2. P. 202-247.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СУХОПУТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ СРЕДНЕГО ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Звагельский Виктор Борисович

*канд. филол. наук, старший научный сотрудник
по специальности «История Украины»,
доцент Сумского государственного университета,
г. Сумы, Украина*

E-mail: starovina@bigmir.net

До появления в XIX в. железнодорожного и автомобильного транспорта передвижение осуществлялось одними и теми же средствами — верхом, на телегах, запряженных волами, на саниах, на лодках. А поскольку за последние тысячелетия в этой части Европы природных катаклизмов не происходило, то можно утверждать, что основные линии дорог не изменились. Здесь, правда, надо учитывать, что русла рек постоянно меняются, меандрируют, образуя многочисленные поймы, рукава, старицы, а значит, меняются и места природных бродов. На Левобережье это особенно характерно для средних Северского Донца и Сейма. Впрочем, дороги выводили к конкретному месту, поселению, то есть они были четко ориентированы, и при исчезновении брода в одном месте отыскивался где-то неподалеку новый или устраивался перевоз-паром.

Дорогами и переправами мог воспользоваться и враг [4, с. 7, 24—32]. Тогда возникала ситуация, когда форсировать реку вброд ему удавалось довольно легко, а дальше движение было сковано высокими и крутыми берегами, на которых устраивались укрепленные поселения — городища или в более поздние времена небольшие крепости-остроги — что суть одно и то же, которые и контролировали

приход незваных «гостей», но при этом с нетерпением ожидая гостей-купцов [3, с. 17—22, 58—61].

Городища раннего железного века, роменской культуры, древнерусские и городки-острожки XVI—XVII вв. очень часто сооружались именно у бродов и паромных переправ, что, конечно, не случайно [7, с. 82—83]. Более того, в отдельных случаях рядом с бродами располагались и открытые поселения более ранних времен — мезолита, неолита и бронзы.

Например, на Среднем Северском Донце объекты эпохи мезолита открыты около с. Снежковка, неподалеку от известного Изюмского брода; у с. Петровское и с. Грушеваха, расположенных неподалеку от Спеваковского брода; у с. Райгородок близ Славянска, где тоже существовал ряд переправ [12, с. 106]. Несколько десятков памятников бондарихинской культуры также открыто на Среднем Донце неподалеку от переправ [1, с. 116], там же открыты десятки объектов салтово-маяцкой культуры [10, с. 39, рис. 1]. Эта закономерность давно известна археологам. Приведем еще несколько примеров из новейших публикаций.

Н.В. Блажевич отмечает, что выбор площадки под крепость, то есть при сооружении городища, был обусловлен не столько размерами собственно площадки, и даже не формой мыса, сколько наличием брода. Правда, исследовательница приходит к такому выводу на примере поднепровских городов Святополча, Ходорова и Ивана, хотя указывает, что другие города Днепровской оборонительной линии (Триполье, Халепье, Витачив, Стайки, Ржищев, Балыко-Щучинка, Григорьевка, Поселок, Канев, Пекари) тоже возводились в местах, пригодных для переправ [5, с. 31—32].

Исследователи многослойных поселений Ходосовка-Диброва, Лесники, расположенных на берегу р. Вита, объясняют скопление разновременных археологических объектов тем, *«что еще в эпоху бронзы неподалеку от памятника в направлении переправы возле Киева проходил трансевропейский лесостепной путь (северная ветвь)»* [6, с. 104].

Или еще один пример, на этот раз с другого хронологического периода. Так, исследователи золотоордынских памятников, расположенных на юго-западе междуречья Ворсклы и Сулы в середине — начале второй половины XIV в., связывают их появление с попыткой *«осуществлять полный контроль за Переволочинской, Кременчугской, Градизской и др. менее значительными днепровскими переправами»* [2, с. 72].

Можно привести и другие более или менее убедительные примеры, но понятно, что такая же ситуация была и на других пограничных или и несколько удаленных от пограничья со Степью реках.

Все это свидетельствует о наличии древних дорог, которые сходились именно в местах переправ, сами дороги, как справедливо замечает известный знаток древнерусской культуры Л.Е. Махновец: *«веками и тысячелетиями или в одних направлениях, фактически не меняясь, потому что долговременной практикой были избраны лучшие во всех отношениях маршруты (кратчайшие расстояния, отсутствие различных препятствий — лесов, болот, гор и т. д.)»* [9 с. 91].

Также следует учитывать, что именно на землях восточного Левобережья от Сейма до Северского Донца на протяжении тысячелетий происходили постоянные контакты между представителями двух различных систем хозяйствования: скотоводами-кочевниками и оседлым населением — земледельцами. Такая ситуация сохранялась со времен неолита до позднего средневековья. Эти отношения не всегда были антагонистическими — письменные, археологические и этнографические источники свидетельствуют и о торговле, и о браках, и о двустороннем заимствовании различных технологий в ремеслах и сельском хозяйстве. Все это отразилось и в языке, в частности в топонимике.

Многие из названий географических объектов хранят древние корни топонимов разных языков. На индо-европейский языковой субстрат наложились иранские, финно-угорские, балтийские и тюркские элементы. Славянский же слой был настолько мощным, что его, возможно, тоже следует рассматривать как субстрат. Каждый народ при отсутствии билингвизма или создавал новые названия, или, переосмысливая, «подправлял» непонятные для него слова, приспособляя их под знакомые термины, и, таким образом, по логике народной этимологии придавал им другие, иногда противоположные, значения. Последнее, то есть контаминация, является наиболее распространенным явлением. Речь идет о небольших географических объектах — озерах, болотах, малых речках, холмах, балках, урочищах. Теперь уже очень сложно отыскать первооснову, первоначальное звучание и значение того или иного названия. Например, многочисленные имена урочищ Красная Горка или Вишневая Горка не имеют отношения к цвету или ягоде, а изначально указывали на красоту и высоту. Или название села на Сумщине Рябина, вопреки устойчивым местным трактовкам не связано с деревом или рабством, а ранее указывало на расположенный рядом раскопанный, «робленный» древний курган.

Наиболее же устойчивыми, консервативными являются гидронимы, довольно долго хранятся и названия путей сообщения — дромонимы и названия связанных с ними бродов. Последнее актуально лишь тогда, когда эти броды используются. В противном случае первоначальный смысл названия изменяется, т. е. контаминируется, приобретая другие семантические оттенки.

Например, бывшие *гостинцы*, то есть дороги, по которым двигались купцы-гости, превратились в многочисленные *гуски*, *гусинцы*, *хустки* и даже *глистянок*; *лазы-перелазы*, то есть броды — на *лозы*, *лески*, *лозовые* и даже романтических *чорноглазовок*. Эти два комплекса терминов с основой на гост- и лаз- стали терять свой первичный смысл несколько веков назад. Например, на Харьковщине и Сумщине и сейчас сохранилось более 30 названий с корнем на *гост-* и производными от него: Гостищево, Гусевка, Гусловка, Гусиная Поляна, Гусинка (старое название р. Гостиница под Ахтыркой) с притоком Гусочка (рядом расположены села Залесное и Залужаны), Хусь, Хуст и др.

При этом в отдельных местностях Подесенья, в частности на Новгород-Северщине, Кролевеччине, Глуховщине, Путивльщине и Конотопщине, наблюдается изменение звука *o* на *у* даже в односложных словах, то есть под ударением: *конь* — *кунь*, *мост* / *муст*. Кроме этого, общим для всей славянской языковой среды является чередование согласных *c/z* / *ж*, *x/z*, *ст/ц* (гость/густь/хусть, лазовка/ласовка/лесовка) и т. д. [13, с. 69, 133, 288]. Важно, что изменение согласного (г/х) прослеживается по крайней мере с X в. [11, с. 128—131].

Вообще названий рек и населенных пунктов, связанных с понятием брод, переправа, перелаз, существуют десятки. Только в указанном выше регионе встречаем реки *Брод*, *Бротеница*, *Братеница*, *Обратен*, *Бородок*, *Бродок*, *Заброды*, *Длинный* и *Круглый броды* и др., а также несколько десятков так называемых «лозовых» рек и производных от них названий населенных пунктов — *Лозовая*, *Лозовенька*, *Влезьки*, *Черные Лозы*. Всего — около 60 (!) названий на *лаз/лоз-*, в том числе такие прозрачные, как *Выползово*, *Лазуковка*, *Водолага*, *Власовка*, *Чернолозка*, *Глазуновка*, *Лесовицина*, *Лисовка*. Понятно, что само по себе название может и не быть связанным с переправой, а занесенным переселенцами или означать лесок, колок, гаек. Но если анализировать в комплексе на географическом и топонимическом фоне, то картина часто становится однозначно убедительной.

Например, название города Лисичанск является достаточно характерным, связанным якобы с рыжим симпатичным хищником. Впрочем, вблизи находятся населенные пункты и урочища: Переездная, Лоскутовка, Подлесное, Лесная Дача — все они расположены на Северском Донце рядом с несколькими природными бродами. Или еще один яркий пример. На Псле ниже Гадяча есть с. Лисовка, рядом с ним с. Перевоз, где находился известный Обуховский брод.

Большая дорога, связывающая низовья Дона с Путивлем, имела характерную особенность — в отличие от большинства других дорог ее трасса проходила не вдоль рек по междуречьям-суходолам, а поперек, пересекая в средних течениях даже такие довольно значительные реки, как Ворскла, Псел и Сейм. Эта особенность и отразилась в ее названии — Лосицкая.

Также следует подчеркнуть, что в документах XVI—XVIII вв. часто путаются термины *лаз/перелаз* с *перевозом*, то есть броды путаются с паромами. Например, Книга Большому Чертежу подает: «... на Малом Перевозе ниже Оскола верст 20 лазают татаровя», «А на Семи татаровя перелезали Семь реку ниже Курска 40 верст, под Городенским городищем; и на том татарском Перевозе ныне деревни Рыльского уезду» [8, с. 109] (подчеркнуто нами — авт.). Здесь имеет место явное противоречие, ведь понятно, если татары «лазили» или «перелезали», то речь идет о «перелазе», то есть бросе, а не о пароме-перевозе. Как видим, информаторы, а скорее всего чиновники и писцы, не различали этих терминов, хотя в большинстве случаев, где речь идет о нападениях татар, имеются в виду именно броды-перелазы. Кроме этих примеров, аналогичную ситуацию встречаем и во многих других документах XVI—XVIII вв.

Такие же прозрачные названия, как Караван, Шлях, Стан производные и аналогичные, очевидно, вообще не нуждаются в комментариях.

Яркий образец народной номинации встречаем у с. Ионино (Глуховский р-н Сумской обл.), где два поля называются Большая Железовщина. Между ними проходит канава, некогда наполненная водой. Понятно, что каждое из этих полей относительно друг друга находилось *за лазом*. Легко моделируется схема — *залазом*, *залазовщина*, которая на русскоязычном фоне превращается в *железовщину*, а потом уже по-украински звучит как место, связанное с металлом, железом.

Аналогичная ситуация с названием с. Железняк (Сумской район), которое по-украински звучит Зализняк. По одной народной трактовке названия (Залисняк) это село располагалось «за лесом», хотя в этой

части Украины лесов и сегодня предостаточно. Исходя из другой (железо по-украински — «зализо») — там даже были проведены поиски железной руды, естественно, безрезультатные.

Итак, выявить, где «за лесом» скрывается бывший *лаз*, сложная задача. Здесь опять-таки нужно исходить из нескольких аспектов. Остановимся на них.

Первый — обращать внимание на реальное наличие или отсутствие лесов. Выглядит странным для этих земель, покрытых огромными лесными массивами (а в древности их было значительно больше), когда где-то неподалеку реки, окруженной теми же лесами, вдруг случается название *лесок* или, что еще более удивительно, — *перелесок*.

Второй — надо учитывать топонимический контекст: наличие где-то близости синонимов или других дромонимов.

Третий — географические и историко-топографические реалии: наличие бродов, мостов, дорог, древних городищ, валов, курганов.

Четвертый — фонетический аспект, когда для определенной группы населения характерны диалектные особенности, в частности фонетические, которые изменяют первоначальное звучание термина.

Все вышесказанное, на наш взгляд, следует учитывать при попытке установления размещения древних коммуникаций.

Список литературы:

1. Артеменко И.И. Бондарихинская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М.: Наука, 1987. — 360 с.
2. Артем'єв А.В., Мироненко К.М., Супруненко О.Б. Обстеження золотоординських пам'яток на Полтавщині // Археологічні відкриття в Україні 2002—2003 рр. — К.: Корвін-прес, 2004. — С. 72—73.
3. Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI—XVIII вв. — Харьков: Типография К.П. Счасни, 1886. — 363 с.
4. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1846. — № 4. — С. 5—60.
5. Блажевич Н.В. Святополч, Ходоров, Иван: сравнительный анализ эволюции раннесредневековых городов / / Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». — Чернигов: Сіверянська думка, 1990. — С. 31—32.
6. Готун І.А., Гаскевич Д.Л., Лисенко С.Д. Вивчення старожитностей первісної доби біля с.Ходосівка // Археологічні відкриття в Україні 2002—2003 рр. — К.: Корвін-прес, 2004. — С. 104—106.

7. Звагельський В.Б. Про забуту середньовічну дорогу з Посейм'я у Подонцов'я // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. № 906. Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. — 2010. — Вип. 13. — С. 82—90.
8. Книга Большому Чертежу. М.: Наука, 1950. — 288 с.
9. Махновець Л.Є. Про автора «Слова о полку Ігоревім». — К.: Видавництво Київського університету, 1989. — 264 с.
10. Михеев В.К. Подонье в составе хазарского каганата. — Харьков: Изд-во при Харьковском университете, 1985. — 118 с.
11. Півторак Г.П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. — К.: Наукова Думка, 1988. — 172 с.
12. Телегин Д.Я. Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) / / Археология СССР. Мезолит СССР. — М.: Наука, 1989. — 370 с.
13. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. — М.: Просвещение, 1952. — 310 с.

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК

Нещеретов Иван Валерьевич

аспирант КубГУ,

г. Краснодар

E-mail: neshheretovi@mail.ru

Цель предлагаемых материалов — проследить перемены, происшедшие в социально-демографическом облике южно-российского казачества после гражданской войны.

Казачество Кубани стало в жесткую оппозицию. А. Микоян вынужден был искать способы применения к новой власти. На состоявшемся в апреле 1925 г. Пленуме ЦК РКП (б) принимается решение о «совершенно недопустимом игнорировании особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций» [6, с. 237].

Данная информация характеризует динамику городов и городских поселений северного Кавказа, которую мы можем проследить на примере Кубани. Представленная таблица наиболее достоверно отражает ситуацию в целом.

Таблица 1.

Характеристика городов и городских поселений [2, л. 7]

Название городов и поселений городского типа	Число отдельных поселений	в них владений	квартир	семейств	тысяч жителей	На одно владение приходится			На квартиру приходится		На одну семью душ
						квартир	семейств	души	семей	душ	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Города:											
1. Краснодар	3	11365	26780	49075	154,4	2,4	4,3	13,6	1,8	5,8	31,5
2. Темрюк	1	3099	3404	3791	15,9	1,1	1,2	5,1	1,1	4,7	4,2
3. Тихорецк	1	19,9	3552	5362	19,1	1,9	2,8	10,0	1,5	5,4	3,6
Итого:		16373	33736	58228	189,4	5,4	8,3	28,7	4,4	15,9	10,95
Поселения городского типа:											
4. Калиновский поселок	4	1559	1489	1745	7,4	1,0	1,1	4,8	1,2	5,0	4,3
5. Приморско-Ахтарская, станица	1	1951	2403	2813	11,3	1,2	1,4	5,8	1,2	4,7	4,0
6. Горячий Ключ, местечко	1	362	534	613	2,2	1,5	1,7	6,0	1,2	4,1	3,6
7. Ачуевские рыбы, промысел	9	9	42	212	0,3	3,7	23,6	37,6	5,1	8,1	1,6
Итого:	15	3881	4468	5383	21,2	1,2	1,4	5,5	1,2	4,8	3,9
Всего:	20	20254	38204	63611	201,6	1,9	3,1	10,4	1,7	5,5	3,3

Мы ясно видим, что в отдельных городских поселениях, которые имеют большие земельные угодья, иногда содержат более одного поселения. Одним из примеров может служить г. Краснодар, в черту которого входят два хутора, удаленные от него соответственно на 5 и 8 км, а также поселок Калиновский. Данный поселок имел расположение в виде буквы твердый знак, его площадь составляла 30 квадратных км. Поселок представлял собой 4 единицы: Восточные сады, Западные сады, Северные сады, Южные сады. Но не все поселения представляли собой единое целое, так Ачуевские рыбные

промыслы состояли из отдельных государственных заводов и различных рыбных промыслов, которые были отделены друг от друга соседними землями. Из всего вышеприведенного мы имеем, из семи городских поселений три сельских и три городских совета. Ачуевские промыслы были присоединены к Приморско-Ахтарскому сельсовету, а также Гривенскому сельсовету Славянского района. 20 отдельных поселений, из которых городов — три: Краснодар, Темрюк, а также Тихорецк, новообразовавшийся с 90-х гг. XIX вв. из пристанционного рабочего поселка, арендовавшего землю у казаков соседней станицы Тихорецкой. Окончательно Тихорецк приобрел статус города в 1926 г., хотя с 1923 г. имел Горсовет.

В 1924 г. путем выделения заселенных садовых участков из черты городских земель г. Краснодара был образован поселок Калиновский. Курортным поселком был Горячий Ключ. Перепись 1926 г. определила 11365 владений, которые были разнесены по принципу фактического пользования (что также было и в других городах). Это коснулось, прежде всего, раздела значительных «планов» с постройками, которые ранее принадлежали одному хозяину. Сейчас же они были сданы в ОКХ в аренду на различные сроки разным лицам. Данный шаг, как мы видим, значительно увеличил общее число владений, новые поселения составили более двух тысяч. Такие явления повсеместно происходили во многих городах — это объяснялось прежде всего нехваткой жилой площади. Всего в городах и городских поселениях было зарегистрировано на 63,6 тысяч семейств 38,2 тысячи квартир по архитектурному признаку. Наибольшей плотностью заселений выделялся г. Краснодар, где на одну квартиру приходится 1,8 семей. Но не значительным был относительный вес казаков среди городского населения, он составлял лишь 7 %. В поселениях городского типа, а также в Темрюке на одну квартиру приходится 1,1—1,2 семьи. Иначе выглядели Ачуевские промыслы, так как имели квартиры казарменного типа. К примеру, в одном владении и одной квартире живут 153 семьи.

В целом городская общественная ячейка — семья состоит из 3,3 душ, для г. Краснодара — 3,15. Характерно увеличение в местностях, приближающегося к типу сельского поселения и уменьшением в промысловых поселках (Ачуевские рыбные промыслы). Очень незначительно города были обеспечены жилой площадью. На примере г. Краснодара видно, что население за последние три года увеличилось на 12,4 %, в среднем в год на 4,05 %. Жилая площадь за 1926 г. выросла на 5752,03 квадратных метров, что дает к 1923 г.

увеличение за год всего на 1,29 %. Из этого видно, что прирост населения в три раза превышает прирост площади.

Великая Октябрьская Социалистическая Революция внесла свои изменения в казачий быт и веру казаков. Молодежь в городах быстро воспринимала нововведения. Среди комсомольцев широко распространяются октябрины, красные крестины и свадьбы без священника. В ломке старых домостроевских традиций статичного быта большую роль играло движение советской женской общественности. 17 июня 1920 г. «Правда» в статье «Казачки Дона и Кубани» сообщала, что на Кубани женотделы при партийных комитетах возникли вскоре после освобождения области. Постепенно преодолевается вековая замкнутость, казачки втягивались в общественную жизнь. В 1923 г. из 1336 женделегаток в Кубано-Черноморской области казачек было только 25. А в 1924 г., после XIII съезда РКП(б), по 14 районам одного Кубанского округа было избранно 2530 делегаток, из них казачек 709. В 1925 г. в станичных Советах округа насчитывалось 1130 депутатов крестьянок и казачек» [4, с. 406].

Иная картина населения была в сельской местности. Концентрация казачества повышалась (до почти 60 % сельского населения Кубанского округа) среди проживающих в сельской местности [5, с. 3—5,7].

Таблица 2.

Сельские поселения [3, л. 9]

№	Название района	На 1 район				На 1 сельсовет				Население, % по окружному итогу
		сельсоветов	населенных пунктов	хозяйств	населения	населенных пунктов	хозяйств	населения	на 1 хозяйство душ	
1.	Абинский	12	202	13,1	58,6	16,8	1,1	4,9	4,5	4,5
2.	Брюховецкий	16	198	17,0	82,6	12,4	1,1	5,2	4,9	6,4
3.	Горячее-Ключевской	13	203	6,9	29,6	15,6	0,5	2,3	4,3	2,3
4.	Каневской	14	86	13,1	64,1	6,1	0,9	4,6	4,9	4,9
5.	Кореновский	21	132	24,8	117,4	6,3	1,2	5,6	4,7	9,0
6.	Краснодарский	17	218	32,3	159,1	12,8	1,9	9,4	4,9	12,3
7.	Ново-Покровский	10	98	14,7	72,7	9,8	1,5	7,3	4,9	5,6
8.	Павловский	18	193	21,5	104,7	10,7	1,2	5,8	4,9	8,1
9.	Приморско-Ахтарский	8	249	9,3	42,5	31,1	1,2	5,3	4,6	3,3
10.	Северский	16	210	14,8	66,4	13,1	0,9	4,2	4,5	5,1
11.	Славянский	17	280	32,6	163,7	16,5	1,9	9,6	5,0	12,6
12.	Темрюкский	9	139	10,2	50,6	15,4	1,1	5,6	5,0	3,9
13.	Тимашевский	18	214	17,4	84,7	11,9	1,0	4,7	4,9	6,5
	В среднем по округу	15	181	18,0	85,0	11,9	1,2	5,7	4,8	6,7

В это время происходит заметное сокращение семей по всем посевным группам. И больше всего это происходит в казачьих семьях, которые связаны с хозяйствами самых высоких посевных групп — с посевом от 10 десятин. Новые задачи в работе, направленной на преодоление сословных различий наметил 5-й пленум Северо-Кавказского крайкома партии, состоявшийся в начале 1925 г. Главным из них было завершение землеустройства, совершенствование налогового обложения, переход к более продуктивным способам ведения сельского хозяйства.

«Первая сельскохозяйственная перепись фиксирует значительный перевес женского населения. По ее данным в сельских местностях Кубани находилось 2277411 чел., из которых более 54 % составляли

женщины» [7, с. 406]. Последствия данных перипетий отразились и на структуре населения Кубани, зафиксированный переписью 1926 г.

«Другим интересным фактом переписи стала этническая принадлежность казаков, 57,6 % высказалось, что они являются русскими, 41,7 % заявили, что считают себя украинцами и 0,7 % — представителями других народов» [1, с. 137].

Таким образом, в середине двадцатых годов Кубанскому казачеству удастся сохранить не только свои особые черты, но и особенности протекания демографических процессов. Перепись 1926 г. стала последней переписью, где отмечалась принадлежность к казачеству. Во всех переписях проводимых в последующие годы в СССР, казачество не упоминается.

Список литературы:

1. Великая Отечественная война в контексте истории XX века: материалы международной научно-практической конференции. Краснодар., 2005. — С. 137.
2. Государственный архив Краснодарского края. По материалам Всесоюзной переписи в 1926 г., пересчитываемых в границах районов, установленной в мае 1927 г. и по дополнительным данным Статотдела и др. ведомств: изд. организационного отдела Кубокрисполкома. — Краснодар, 1927. — С. 7.
3. Государственный архив Краснодарского края. По материалам Всесоюзной переписи в 1926 г., пересчитываемых в границах районов, установленной в мае 1927 г. и по дополнительным данным Статотдела и др. ведомств: изд. организационного отдела Кубокрисполкома. — Краснодар, 1927. — С. 9.
4. Кабузан В.Н. Население Северного Кавказа в XIX—XX веках. / В.Н. Кабузан. — СПб., 1996. С. 3—5, 7.
5. Как учитывали казаков при переписях 1897 и 1926 годов. Загл. с экрана. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/075/perepis05.php>.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). М.: Политиздат, 1970. Т. 3: 1924—1927. — С. 237.
7. Куценко И.Я. Кубанское казачество / И.Ю. Куценко. — Краснодар: Кн. Изд-во, 1993. — С. 406.

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ВНЕШНЕГО ВРАГА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАКАТЕ В 1920—30-Е ГГ. XX В.

Чогандарян Марина Георгиевна

*аспирант Оренбургского педагогического университета,
г. Оренбург*

E-mail: marina_lev_09@mail.ru

Основным императивом внешней политики большевиков после 1917 года, являлось представление о существовании враждебного капиталистического окружения. Политическая элита советского государства с учетом международной обстановки и взаимоотношений с капиталистическими странами, неустанно предупреждала советских граждан о надвигающейся войне. Советская пропаганда использовали различные каналы визуальной пропаганды для конструирования и распространения в массовом сознании советских граждан образа внешнего врага.

Одним из важнейших средств массовой агитации и пропаганды в исследуемый период являлся политический плакат. Политический плакат — разновидность графики, сопровождаемой лаконичным текстом, сделанное в агитационных и пропагандистских целях. Одной из особенностей политического плаката являлось яркое условное декоративное цветовое решение, а также броская надпись-призыв. Советский политический плакат заявил о себе в период Гражданской войны, играя роль проводника идейных взглядов РСДРП(б). Он был везде — как экраны, обои, иконостас, тем самым плакат определял зрительное восприятие советских людей. Неотъемлемыми качествами советского политического плаката являлась идейная целеустремленность и революционная страстность, что сделало его массовым средством агитации и пропаганды. «Плакаты являются основным средством воздействия на пролетариат» — пишет в своей работе «Дебаты по поводу закона о плакатах», основоположник марксизма Ф. Энгельс. Довольно ярко охарактеризовал плакат искусствовед В.П. Полонский: «Он требует, призывает, приказывает, повелевает. Плакат-орудие массового внушения, средство организации коллективной психологии» [8, С. 11]. В оценке политического плаката ему вторит Ф. Энгельс. В условиях дефицита изобразительных средств массовой информации, первые советские плакаты обладали довольно высокой степенью воздействия на сознание граждан. Советским пропагандистским плакатом было создано множество образов внешних и внутренних врагов и противников. Безусловно, эти образы зеркально

отражали идеологическое и политическое противостояние первого в мире социалистического государства с капиталистическими странами.

Таким образом, советская власть придавала огромное значение плакатной пропаганде. Основную роль в 1920-е гг. в наглядной агитации играли соответствующие плакаты, прежде всего знаменитые «Окна сатиры Роста».

В 1920-е гг. в список наиболее опасных внешних врагов Советского Союза входили, прежде всего, Англия, Франция, Германия и Италия. Англия и Франция, в советской пропаганде периодически выдвигались на первый план в качестве потенциальных противников, организаторов интервенции и т. п. В политическом плакате вышеуказанного периода создается собирательный образ внешнего врага. С целью передать опасность конкретной внешнеполитической ситуации художники часто рисуют образы врагов устрашающими и жестокими. В графическом языке широко используется экспрессия и гипербола, отличительной чертой становится аллегория. Например, такая стихотворная подпись сопровождала карикатуру заслуженного ветерана советской политической пропаганды — М. Черемных, «Жирная Америка и тощая Европа»: «Европа смотрит взглядом тусклым, товара нет и порван зонт, и под дождем штыков французских, Европы мрачен горизонт» [5, С. 536].

После того, как в 1930-е гг. лидер советского государства выдвинул тезис «об обострении классовой борьбы в процессе построения социализма», страх перед внешними врагами усиленно конструировался, прежде всего, наглядными средствами пропаганды. Одним из важнейших средств, как и в предыдущее десятилетие массовой агитации и пропаганды являлась визуальная плакатная пропаганда. Образ враждебно настроенного капиталистического мира в советском политическом плакате 30-х гг. у художников ассоциировался с коварством, злобой, стяжательством, жестокостью, лицемерием, облаченными в черный фрак и котелок. Советские художники обращались и к новым техническим средствам, проверяя их пригодность для поставленной цели. В частности, художник-авангардист Г. Глуцис использовал фотомонтаж, о чем сам писал: «Я создаю свои работы, используя фототехнику, химию, оптику и аппаратуру, как новую изобретательную технику, для создания художественно-идеологического образа» [2, С. 116].

К числу первых фотомонтажных пропагандистских плакатов Глуциса, посвященных «антиимпериалистической войне», относится плакат «Пушечное мясо». В рассматриваемый период техника фотомонтажа стала действенным оружием плакатной пропаганды.

Сам художник не раз отмечал преимущества фотомонтажа, как метода воздействия на массового зрителя: «Заменяя рисунок от руки фотографией, художник более правдиво, более жизненно, более понятно для масс изображает тот или иной момент» [3, С. 120].

С приходом к власти Гитлера, Германия все более выдвигалась в число наиболее опасных противников первого социалистического государства в мире. Советской пропагандой конструировался образ Германии как страны, руководствующейся агрессивной внешнеполитической доктриной, направленной, в первую очередь, против СССР. Репрессии против коммунистов, сожжения книг на площадях, дали советским пропагандистам большое количество материала для «демонизации» гитлеровского режима, а, заодно, и позволили увеличить количество негативных ассоциаций, вызываемых понятием «фашизм». М. Горький писал в 1934 г. по поводу прихода Гитлера к власти: «Если нация, которая дала миру Ганса Сакса, Гёте, Бетховена, семью Бахов, Гегеля, Гумбольдта, Гельмгольца и многих десятков крупнейших «мастеров культуры», — если эта нация избирает вождем своим Гитлера, это, конечно, факт, свидетельствующий об истощении творческой энергии ее командующего класса...» [1, С. 206].

Гротескными злободневными карикатурами на международные темы являлись работы классиков политического плаката — Кукрытников. Значимым моментов в творчестве художников-графиков, стали антифашистские плакаты. Еще в 1932 году обличая сопротивляющихся врагов, рисуют на фраке капиталиста свастику. Однако следует отметить, что конкретные исторические лица «внешних врагов» в плакате не фигурируют, и образ врага еще не разграничен. В этом сказалось то, что до середины 1930-х гг., Германии в ряду врагов СССР отводилась второстепенная роль. Основным внешним врагом СССР в это время называли Великобританию.

В 1934 году на XVII съезде ВКП(б) Генеральный секретарь ЦК Сталин проанализировал общую картину международного положения. Развязанная Японией война против Китая обострила обстановку на Дальнем Востоке. Победа национал-социализма (фашизма) в Германии, торжество реваншистских идей привели к усилению противоречий в Европе. Наконец, выход Японии и Германии из Лиги Наций послужил новым толчком к росту вооружений и подготовке новой войны. Советский лидер подчеркнул, что в создавшихся условиях буржуазный пацифизм «влачит жалкое существование», «дышит на ладан», а капиталистические государства стремительно вооружаются. «Дело явным образом идет к новой войне» [9, С. 8, 10], — заключил Генеральный секретарь ЦК.

Исходя из сталинской концепции, опасность для СССР представляли не отдельные зарубежные страны (например, Германия или Япония), а все капиталистическое окружение. Сталин, заявлял: «...у нас капиталистическое окружение, значит, мы окружены врагами, врагами цивилизованными и более культурными, чем мы, врагами опытными, которые ни перед чем не останутся» [7, С. 92].

С началом Гражданской войны в Испании антифашистская тема в советском плакате звучит громче. Против опасности войн выступают М. Черемных в плакате «Чтоб из этой лапы выпал нож, антифашистского фронта силы множь!», а также П. Караченцев, считающий «завоевателей мира» врагами собственных народов. Задача осмеяния советских внешних врагов, в частности фашистов, успешно решалась и карикатуристами. В частности, в плакате Б. Пророкова «Фашизм-враг культуры», фашизм получил аллегорическую трактовку, изображался змеей в виде свастики, звероподобным чудовищем, приемы гротеска и гиперболы, символики и аллегории помогали художникам передать опасность главного внешнего врага Советского государства накануне Второй мировой войны.

Целый ряд плакатов Бориса Ефимова — протагониста карикатуры, посвящен образу советского внешнего врага в 30-е гг.: «Лицо врага» (1931), «Карикатура на службе обороны СССР» (1931), «Фашизм — враг народов» (1937), «Поджигатели войны» (1938), «Фашистские интервенты в Испании» (1938) [4, С.101].

Во всех перечисленных случаях образ врага выражен очень четко, представлен как нечто единое. Это одна из черт советской плакатной живописи. В данном случае проявляется пропагандистский прием отождествления, для последующей «демонизации» противника [6, С. 23].

Таким образом, политический плакат, как средство визуальной пропаганды, внес существенный вклад в процесс формирования и распространения образа советского внешнего врага.

Список литературы:

1. Горький М. Собрание сочинений. М., 1953. — Т.27. — 351 с.
2. Клуцис Г. Фотомонтаж как новый вид агитационного искусства.// Изофронт. Классовая борьба на фронте пространственных искусств. Сборник статей объединения «Октябрь». Под ред. П.И. Новицкого. М., Огиз-Изогиз, 1931. — 243 с.
3. Клуцис Г.Г. //Советские художники. М., 1937. — Том. 1. — 287 с.
4. Краткая энциклопедия карикатуры. Под авт. Москина Д.Н. Петрозаводск, 2000. — 208 с.

5. Крокодил.1923. — № 3. — С. 536.
6. Крысько В. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). М.,1999. — 450 с.
7. Невежин В.А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М.: 2007. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://militera.lib.ru/research/nevezhin_va/index.html (дата обращения 14.05.2013).
8. Полонский В.П. Русский революционный плакат. М., 1925. — 192 с.
9. Стенографический отчет. XVII съезд ВКП (б) 26 января — 10 февраля 1934 г. М., 1934. — 300 с.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ВОЕННАЯ ДИКТАТУРА В УРУГВАЕ 1973—1985 ГГ.: ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ, ИТОГИ

Бычков Максим Алексеевич

*канд. ист. наук, доцент, МГУТУ им. К.Г. Разумовского,
г. Москва*

E-mail: deak2007@yandex.ru

Военная диктатура в Уругвае 1973—1985 годов является важной вехой как в истории самой страны, так и всего латиноамериканского региона. Это связано с тем, что на фоне большинства государств Латинской Америки для Уругвая в целом была характерна политическая стабильность, устойчивость демократических традиций, неучастие военных в политической жизни страны.

Таким образом, исследование данной темы — это изучение феномена перехода государства и общества от демократического режима к авторитарному; изучение исторического опыта реагирования социума на проблемы социально-экономического и политического развития.

Крупномасштабные реформы, проведённые в начале XX века, президентом Уругвая Хосе Батлье и Ордоньесом, а также его последователями, заложили основы стабильного политического и социально-экономического развития страны. Несмотря на то, что в уругвайской истории не раз устанавливались авторитарные режимы, они возглавлялись представителями политической элиты без участия военных. Элита же оказывалась способной адаптироваться к внутренним и внешним факторам развития страны, что проявлялось и в принимаемых решениях и в способности создаваемой авторитарной системы перестроиться и даже демонтировать себя.

В то же самое время факт установления военной диктатуры 1973—1985 годов является явным показателем определенных слабых сторон политической системы, сложившейся в Уругвае.

Причины сдвига политической системы страны вправо лежат в социально-экономических проблемах, с которыми столкнулось уругвайское общество в 1950-е годы.

В годы Второй мировой войны, а также в послевоенное время были достаточно благоприятными. Большую роль в этом сыграло тесное сотрудничество с Соединенными Штатами. В годы Корейской войны 1950—1953 годов Уругвай стал одним из крупных поставщиком шерсти на американский рынок. Но после её окончания все слабые стороны экономики явно себя проявили.

Эпоха экономического процветания, которая пришлась на послевоенные годы, не была использована сельской буржуазией для модернизации аграрного сектора. В сельском хозяйстве сохранялось господство латифундий, которые прежде всего ориентировались на внешний рынок. Таким образом, сельское хозяйство в целом носило монокультурный характер, что, естественно, повышало зависимость уругвайской экономики от колебания цен на мировых рынках. Отечественная исследовательница А.С. Березова отмечает, что «латифундии по-прежнему держали внешнюю торговлю — источник получения сырья и оборудования для промышленности. Поэтому с развитием промышленности возрастал и экономический вес латифундистов, укрепляя их политические позиции» [1, С. 39].

Падение мировых цен на шерсть спровоцировало кризис в сельском хозяйстве. Дефицит торгового баланса страны приобрёл хронический характер (1951, 1952, 1954, 1955), а в 1957 году он достиг внушительный для Уругвая суммы в 117 млн. долларов при среднем объёме товарооборота в 1956—1957 годах в 400 млн. долларов. По сведениям американского исследователя Г. Гандельмана ВВП страны с 1954 года по 1972 год упал на 12 % [9, Р. 2].

В этих условиях земельная олигархия стала усиливать давление с целью заставить его принять законы, соответствующие её интересам. В 1955—1958 годах был понижен курс национальной валюты, а в 1959 году проведена валютная реформа, в результате которой был установлен плавающий курс. Все валютные операции, связанные с экспортом и импортом, освобождались от контроля со стороны государства. Итогом реформы стал рост инфляции [1, С. 42—43]. А.С. Березова отмечает, что целью реформы было повышения экспорта и уменьшение импорта. Но она не была достигнута: экспорт не увеличился, потому что не увеличился объём производимой продукции, да и для крупных земледельцев, производящих экспортную продукцию, высокая цена не стимулировала расширение производства, а консервировало его; импорт же не уменьшился, потому что почти полностью состоял из статей, необходимых для функционирования национальной экономики (сырьё, оборудование, горючее) и для питания населения. В этих условиях импорт мог

быть сокращён только лишь ценой свертывания промышленного производства, что и произошло в 1963 году [1, С. 42—43]. Американский исследователь М. Финч отмечает, что с середины 1950-х годов характерной чертой уругвайской экономики стала стагнация промышленности, падение ВВП и рост инфляции [6, Р. 221, 229]. Экономический кризис, по его мнению, ослабил позицию национальной буржуазией, закончили эру импортозамещающей индустриализации и нанесли удар по батльизму [6, 235—236].

Недовольство сельской буржуазии экономической ситуацией привело к тому, что влиятельная организация «Федеральная Лига Аграрного действия» (Liga Federal de Accion Ruralista) решила поддержать партию «Бланко», которая и победила на выборах 1958 года. «Бланко» представляла собой альянс, объединявший группу Луиса Альберта Эрреры, «Федеративную Лигу аграрного действия» во главе с Бенито Нардоне, а также группы «Демократический Союз Бланко» и «Народное национальное движение». А проигравшая выборы партия Колорадо раскололась на две фракции: «15-й список» во главе с Луисом Батлье Беррес и «14-й список» во главе с Сезаром Батлье Пачеко [5, Р. 10].

Исследователь М. Финч отмечает, что идеология партии «Бланко» заключалась «в свободной торговле, в конкурентной модели, в реакции против дирижизма и государственного вмешательства в экономику» [6, Р. 237]. В 1960 году была создана комиссия по инвестициям и экономическому развитию с целью исследования состояния экономики страны. К маю 1963 года комиссии подготовила доклад, на основании которого к маю 1965 года был выработан план экономического развития. Он предлагал структурные реформы в экономике, изменения в сельскохозяйственном секторе, в сфере финансов, управления и социальной помощи. Однако план был проигнорирован [6, Р. 239].

Неспособность правящей элиты справиться с экономическим кризисом, предложить стране план дальнейшего политического и социально-экономического развития, рост раскола в её среде стимулировали усиление влияния военных. Отечественный исследователь А.Ф. Шульговский отмечает, что процесс политизации армии стал особенно интенсивным в 1950—1960 годы [4, С. 499]. М. Финч обращает внимание на то, что «истоки военного вмешательства лежат в продолжительном экономическом кризисе, последовавшем за неудачной импортозамещающей индустриализацией и неспособностью политической системы к изменениям» [6, Р. 242].

Несмотря на то, что для латиноамериканского региона характерно значительное влияние военных на политическое развитие стран, Уругвай представлял собой определенное исключение. В процессе формирования политической системы, инициированным президентом Хосе Батлье и Ордоньесом, военные заняли позицию сторонников демократических преобразований. Впоследствии они и не вмешивались в сферу политики, не занимали ключевых позиций в обществе, не обладали значительным влиянием и связями. Они даже не получили статус гаранта стабильности государственных институтов.

Однако и там происходили постепенные изменения. Немаловажную в этом сыграло американо-уругвайское военное сотрудничество, начало которого было положено двусторонним военным пактом 1952 года. США получали возможность пользоваться военными объектами Уругвая, беспощадно ввозить военные материалы и снаряжение. Вашингтон получал право ограничивать торговлю страны с любым государством, которое, по его мнению, угрожало безопасности Западного полушария. В 1956 году было подписано соглашение о сотрудничестве в области атомной энергетике и о техническом сотрудничестве. А в 1961 году — о гарантии американских инвестиций [2, С. 23]. В американских военных училищах, по сведению А.Ф. Шульговского, с 1946 по 1970 год прошли подготовку примерно 1723 уругвайских военных [4, С. 500]. Не менее важным было влияние военных элит Аргентины и Бразилии.

Между тем события в стране развивались столь стремительно, что военные оказались в гуще политических событий раньше, чем смогли осознать свою новую социальную роль. Это стало причиной того, что став ключевой силой политического развития Уругвая, они не смогли предложить четкой программы вывода страны из структурного кризиса.

Ухудшение социально-экономической ситуации стимулировало рост радикальных настроений в обществе. Самым ярким выражением его стало образование движения «Тупамарос», или «Движение за национальное освобождение». Оно сформировалось в 1960-е годы в результате отделения от Социалистической партии. Идеологической и методологической основой организации стали взгляды теоретиков и практиков Кубинской революции 1959 года, а также теория «городской герильи» Карлоса Маригеллы [7, Р. 12—13]. Деятельность движения «Тупамарос» в целом свелась к проведению индивидуального террора, что не могли не стать очередным фактором дестабилизации уругвайского общества.

Углубление социально-экономического и политического кризиса стимулировало изменения в партийной системе страны. С одной стороны, возрастало влияние политических партий левой ориентации (социалистической и коммунистической), а с другой, происходили изменения в «традиционных партиях», где усиливались центробежные тенденции. Кроме того, процесс формирования новых политических партий, хотя маловлиятельных и малочисленных, постепенно ставило под сомнение всю политическую традицию двухпартийности.

В 1966 году на парламентских выборах победила партия «Колорадо», а в марте 1967 года президентом стал Оскар Гестидо. В декабре того же года он внезапно умер, и его место занял Хорхе Пачеко Ареко. В течение недели после занятия высшей государственной должности он подписал указ о запрете Социалистической партии Уругвая, а также всех левых политических партий и движений страны. В экономической политике произошёл дальнейший сдвиг в сторону неолиберализма и монетаризма. Понижение уровня жизни населения, ставшее результатом проводимой политики, стимулировало рост социального напряжения. Оппозиционные акции различных социальных групп уругвайского общества всё чаще жестко подавлялись полицией. В сентябре 1971 года президент Пачеко Ареко передал руководство по борьбе с «подрывной деятельностью» военным и полицейским силам [4, С. 502].

Попытка Пачеко Ареко провести через парламент поправку в конституции, которая дала бы ему возможность стать президентом второй раз не только не прошла, но показала поляризованность общества. Партии «Бланко» и часть «Колорадо» отказались его поддержать, а левые смогли объединиться в общественное объединение «Широкий фронт». Несмотря на это, используя возможности уругвайской избирательной системы, на президентских выборах 1971 года победил ставленник Пачеко Ареко Хуан Мария Бордаберри (с первого марта 1972 официально занял пост главы государства). В апреле 1972 года парламентом был принят закон о введении в стране «состояния внутренней войны», что повлекло за собой сосредоточение в руках военных широких функций гражданской администрации. Также был увеличен военный бюджет и принято решение об увеличении числа сотрудников полиции [4, С. 502—503].

Усиление позиций военных в политической системе Уругвая сопровождалось многочисленными коррупционными скандалами среди гражданской политической элиты. В октябре 1972 года расследование очередного скандала коснулось высшего руководство партии «Колорадо». Представители военной элиты требовали его прекратить,

оказывали давление на президента Бордаберри. Рост конфронтации между президентом и армией привел к политическому кризису февраля 1973 года.

В феврале 1973 года возник вопрос о замещении вакантной должности военного министра. Президент Бордаберри и Высшее военное командование во главе с генералом Григорио Альваресом не смогли согласовать кандидатуры. Конфликт обострился. Оставшись без поддержки гражданской элиты Бордаберри согласился удовлетворить требования военных: на военной авиабазе Бойссо Ланго им был подписан пакт с военными, в соответствии с которым власть передавалась Национальному Совету Безопасности. Этот руководимый военными орган стал высшей инстанцией, которая контролировала экономические и политические процессы в стране.

27 июня 1973 года президент Бордаберри подписал приказ о роспуске парламента и об образовании Государственного Совета. Фактически в Уругвае был установлен военный режим. Формально высшим лицом в государстве оставался президент, через которого военные осуществляли управление. Отечественный исследователь А.Ф. Шульговский отмечает, что «июньский государственный переворот, совершенный группировкой Бордаберри при поддержке военного командования, свидетельствовал о том, что олигархия выложила все свои последние козырные карты в сложной политической игре, которую она вела с февраля 1973 года» [4, С. 511].

Получив власть в свои руки, военные не смогли сформулировать чёткую программу дальнейшего политического и социально-экономического развития страны. Кроме того, в их среде не было единства. Г. Гандельман выделил три основных направления: «бразильцы», «перуанцы» и «легитимисты» [9, Р. 4—5]. Под «бразильцами» подразумеваются сторонники «жесткой линии», реализации бразильской доктрины «национальной безопасности». Они выступали с правоконсервативных позиций, призывали к борьбе с коммунистами и либералами. Группу возглавлял генерал Эстебан Кристи. «Перуанцами» руководил генерал Григорио Альварес. Они ориентировались на опыт перуанских военных, пришедших к власти в 1968 году. Были сторонниками проведения социально-экономических и политических реформ. Группа «легитимистов» выступало за восстановление гражданского режима и уход военных из политики. Реальным же влиянием не обладала.

Установившийся военно-бюрократический авторитарный режим оказался неустойчивым. В июне 1976 года Бордаберри выступил с предложением о запрете политических партий, что вызвало резко

негативную реакцию военных. 12 июня 1976 года военные отстранили Бордаберри от власти и назначили президентом Апарасио Мендеса. В связи с этим Ш. Гиллеспье отмечает, что «военные с уважением относились к традиционным партиям как неотъемлемой части культуры страны, уругвайности (*orientalidad*), и считали их важными для собственной легитимности [8, Р. 54]. Поэтому они не могли пойти на запрет традиционных политических партий «Колорадо» и «Бланко». Однако к другим политическим партиям и движениям это не относилось. Так 1 сентября 1976 года президентом Мендесом был подписан «четвертый Институционный акт», на основании которого пятнадцать тысяч человек, которые были связаны с левыми политическими партиями и движениями, было запрещено в течение пятнадцати лет заниматься политической деятельностью.

Между тем у правящих кругов было понимание того, что режим в целом нелегитимен, что его социальная поддержка невелика. В то же самое время как его оппоненты (прежде всего Широкий фронт и оппозиционная режиму часть «Бланко») постепенно расширяли свою социальную базу. К проблемам внутренним добавились также проблемы и внешнего характера: рост критики режима со стороны администрации президента США Дж. Картера.

В целях решения проблемы падения легитимности представителями правящей элиты был подготовлен проект новой конституции Уругвая. 30 ноября 1980 года прошел плебисцит по вопросу о её принятии. 57,9 % проголосовавших выказалось против предложенной конституции. Это обстоятельство стало ярким показателем отсутствия у политического режима реальной социальной поддержки. Но в этих сложных для них условиях военные смогли найти себе силы начать преобразования в политической системе страны. 1 сентября 1981 года президентом стал генерал Грегорио Альварес. Он произвел кадровые изменения в гражданском и в военном руководстве, а также в конце 1981 года начал переговоры с представителями традиционных партий о путях выхода из политического кризиса. Начались долгие и сложные переговоры.

Участниками переговорного процесса стали, с одной стороны, представители военной элиты, а, с другой, руководители политических партий «Колорадо» и «Бланко». Представители традиционных партий требовали проведение политических и социально-экономических преобразований. Переговоры проходили в условиях массовых демонстраций, организованных как политическими партиями (прежде всего левого политического спектра), так и профсоюзами. Власти отвечали на них репрессивными мерами, что, естественно, осложняло

отношения между сторонами переговоров. Несколько раз переговоры прерывались, менялся состав представителей от политических партий.

Неспособность сторон переговорного процесса прийти к хотя бы компромиссному решению всё больше дестабилизировало уругвайское государство.

В то же самое время в обществе постепенно происходил рост активности среди различных слоев населения: создавались ассоциации студентов, объединения работников разных отраслей производства, правозащитные организации. Обыденным явлением для Монтевидео становится проведение массовых демонстраций с требованием проведения демократических преобразований.

Определенным образом это стимулировало продолжение переговоров. Ш. Гиллеспье отмечает, что уругвайский демократический транзит является одним из немногих в Латинской Америке, который был основан на диалоге между армией и оппозицией.

Переговоры завершились в августе 1984 года подписанием соглашения между сторонами (по месту подписания получил название «Пакт Морского клуба»), который хотя и имел компромиссный характер, но официально поставил точку на периоде военной диктатуры в истории страны. Согласно этому документу, военное руководство сохраняло свои посты, оговаривалось их участие в политике в будущем. Те из них, кто был замешан в тех или иных преступлениях, передавались под юрисдикцию военных трибуналов. В то же самое время пакт предполагал восстановление системы гражданского правления.

В результате проведенных выборов президентом Уругвая был избран представитель партии «Колорадо» Х. Мария Сангинетти. 1 марта 1985 года он вступил в должность. Эту дату принято считать окончанием военной диктатуры в истории Уругвая. В годы его первого (1985—1989 гг.) и второго президентства (1996—2000 гг.), а также в годы президентства Л.А. Лакалье Эррера страна постепенно возвращалась к демократическому государственному устройству.

Отечественный исследователь Капустян Е.Г. отмечает, что «опыт политической модернизации Уругвая показывает, что «прерванные демократии», особенно в малых странах, имеют большие шансы на упрочнение демократических режимов, чем в странах с долгим опытом авторитарного правления» [3, С. 162].

Таким образом, исторический опыт Уругвая ярко показывает важную роль не только социально-экономических, политических, но и социокультурных факторов в становлении и развитии политического режима. Так заложенные ещё в начале XX века идеи

самобытного демократического развития (идеи батльизма) стали значительным фактором дальнейшего политического развития страны.

Список литературы:

1. Березова А.С. Уругвай: аграрные отношения. М., Наука, 1974 — 191 с.
2. Романова З.И. Уругвай: экономика и внешняя политика. М., Внешторгиздат, 1962 — 144 с.
3. Теория и практика политической модернизации (опыт Латинской Америки)/Под. ред. М.Л. Чумакова. М., ИЛА РАН, 2004 — 176.
4. Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америки. М., Наука, 1979 — 566 с.
5. Eloy Alonso, Demasi Carlos. Uruguay 1958—1968. Crisis y estancamiento. Montevideo, Edicional de la Banda Oriental, 1986 — 155 p.
6. Finch M.H. A political economy of Uruguay since 1870. New York, St. Martin's Press, 1991 — 339 p.
7. Gilio Maria Esther. The Tupamaro guerrillas. New York, Ballentine book, 1973. — 204 p.
8. Gillespie Ch.G. Negotiating democracy. Politicians and generals in Uruguay. Cambridge, Cambridge University Press, 1991 — 264 p.
9. Handelman H. Military authoritarian and political change in Uruguay. Hanover, 1978 — 25 p.

4.3. АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ НАРОДОВ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ

Хаджимурадова Макка Ахмедовна

*соискатель отдела этнографии
Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН,
г. Махачкала*

E-mail: makcka.hajimuradova@yandex.ru

Происхождение и древнейшая история народов горного Дагестана и Чечни представляют собой одну из самых сложных проблем современного кавказоведения. Исследование этногенеза и этнической истории народа, обитавшего в этой части Северо-Восточного Кавказа, производилось методом комплексного подхода с привлечением материала ряда научных дисциплин, базирующихся на стыке археологических, антропологических, этнографических, лингвистических, фольклорных и других данных.

Крупные научные открытия, накопление новых материалов и совместные изыскания ведущих специалистов обеспечили возможность широкого привлечения новых источников для решения вопросов происхождения, этногенеза, культурно-исторического развития и взаимодействия соседних народов Дагестана и Чечни.

Однако следует отметить, что многие ее аспекты в исторической литературе рассматривались лишь в общем русле общекавказского исторического процесса и до сих пор остаются малоизученными. Это было отмечено и выдающимся ученым археологического кавказоведения Е.И. Крупновым, сетовавшим на слабую изученность восточной, основной части Чечни, известной как Ичкерия или называемой самими чеченцами Нохчий Мохк — «Чеченская земля». Он писал о необходимости «постановки планомерных археологических изысканий в слабо обследованной Чечне, без чего древние этапы народной жизни не могут быть восстановлены» [12, с. 16—23]. Это замечание справедливо и в отношении уровня историко-археологического исследования Северо-Западного Дагестана, которое актуально и по сей день.

О незаменимой роли археологии в изучении прошлого этого края известные археологи-кавказоведы В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев писали так: «Известно, что подавляющее большинство северокавказских народов не имело своей письменности. Сведения армянских и грузинских летописцев и историков, греко-римских и византийских авторов, арабских и других иноземных путешественников о Северном Кавказе отрывочны и малочисленны. Поэтому основным источником для воссоздания древней и средневековой истории народов Северного Кавказа служат археологические памятники, дающие самый разнообразный материал для реконструкции быта, искусства и духовной культуры местного населения» [16, с. 15].

Значительный вклад в изучение древней и средневековой истории вайнахов и дагестанцев (аваро-андо-цезов), живущих на сопредельной территории, но отделенных друг от друга отрогами Большого Кавказского хребта, внесли исследования целой плеяды археологов, в числе которых А.П. Круглов, Е.И. Крупнов, В.Г. Катович, В.Б. Виноградов, Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.И. Козенкова, Х.А. Амирханов, М.Г. Гаджиев, Г.М. Магомедов, О.М. Давудов, Д.М. Атаев, М.Х. Багаев и др.

Следует отметить, что 50—80-е гг. XX столетия для Дагестана и Чечни были временем наиважнейших археологических открытий. Благодаря достижениям полевой археологии источниковедческая база обогатилась открытиями новых погребальных и бытовых памятников, позволивших восстановить основные этапы развития древней и средневековой истории и культуры народов горного Дагестана и Чечни.

К примеру, свидетельством древнейшего заселения этого края служат археологические данные 1957 года, когда у речки Харсум, питающей озеро Казеной-Ам, впервые были найдены кремневые обломки, обитые рукой первобытного человека. Затем такие находки были сделаны у чеченских аулов Казеной и Хой [14, с. 101].

На основе вещественных археологических артефактов исследователям впервые удалось выделить ряд последовательно сменявших друг друга древних археологических культур, получивших развитие в Западном Дагестане и сопредельной территории Чечни.

Вследствие территориальной близости, схожести местных природных условий и всестороннего тесного взаимодействия этнических групп этого края стало возможным возникновение здесь локальных культур местного происхождения, выделявшихся некоторыми своеобразными отличительными чертами в материальной и духовной культуре.

К примеру, в эпоху ранней бронзы (III тыс. до н. э.) горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня были частью обширного ареала распространения одной из древнейших археологических культур Кавказа — куро-аракской. Под влиянием местных энеолитических традиций здесь сложился северо-восточно-кавказский ее вариант [10].

Археологический материал, обнаруженный у чеченского селения Сержень-Юрт, [17, с. 38] в окрестностях андийского селения Гагатль, в местности Галгалатли, Шебоха [6] и другие погребальные и бытовые памятники этой эпохи не только подтверждают заселенность горного Дагестана раннеземледельческими племенами, но и дают основание надеяться на открытие памятников энеолита и ранней бронзы в горной Чечне [7, с. 13].

С закатом этой высокоразвитой раннеземледельческой культуры происходит распад этнокультурной общности куро-аракских племен, предопределивший начальный этап этногенеза народов Дагестана и Чечни.

На основе куро-аракской культуры здесь образовалась новая археологическая общность более низкого культурного и социально-экономического развития, представленная самобытными локальными культурными образованиями эпохи средней бронзы (конец III — первая пол. II тыс. до н. э.). Среди них выделена культура Гинчи-Гатын-Кале, получившая название от дагестанского и чеченского селений, в окрестностях которых были обнаружены могильники этого периода. Памятники этой эпохи были найдены и вблизи чеченских селений Бельты, Сержень-юрт, Дай, Бачи-юрт, Малый Харсеной [15], в горном Дагестане — Галгалатли II, Чох, Ирганай и др [3].

В период существования этой культурной традиции происходит процесс формирования локально-племенных особенностей дагестанцев и вайнахов, стали определяться их самобытные этнические черты [13, с. 9].

Традиции гинчинской культуры постепенно переходят к другой автохтонной культуре, образовавшейся в эпоху поздней бронзы и раннего железа (конец II-го — начало I-го тыс. до н. э.) — каякентско-харачоевской. Погребальные памятники этой культуры, обнаруженные и исследованные Кругловым в 1939—1940 гг. вблизи горных селений Харачой, Ведено, Белгатой, Анди, Гагатль, стали объектом исследования еще на заре ее выделения в особую археологическую культуру [9].

Открытие этой древней самобытной культуры имеет первостепенное значение для понимания истоков этнокультурной общности и решения вопросов этногенеза народов горного Дагестана и Чечни.

И важно отметить, что в ареал каякентско-харачоевской культуры вошла лишь Юго-Восточная часть Чечни, когда на остальной ее территории обитали племена кобанской культуры [11].

Сравнительный анализ раннесредневековых некрополей горного Дагестана и Чечни, осуществленный чеченским археологом, профессором Багаевым М.Х., выявил почти полное совпадение конструкций погребальных сооружений и могильного инвентаря. Это еще раз подтверждает правомерность гипотезы об устойчивости дагестано-нахского культурного единства и в период от эпохи средней бронзы до раннего средневековья [4, с. 123].

Данные антропологических исследований, получившие освещение в фундаментальных работах советских антропологов, также свидетельствуют о древнейших корнях дагестано-вайнахской этнокультурной общности [2]. На основе палеоантропологических материалов установлена принадлежность населения Дагестана и Чечни к кавкасионскому антропологическому типу балкано-кавказской расы входящей в большую европеоидную расу, что свидетельствует об общности их древних физических предков [8].

Академик В.П. Алексеев, как и другие антропологи, занимавшийся изучением Кавказа, заключает, что кавкасионский антропологический тип сформировался на территории Дагестана и Чечни «автохтонно в составе местного населения центральных предгорий Кавказского хребта не позже, чем в эпоху бронзы, а может быть, и в еще раннее время». По его предположению, на формирование особенностей физического облика современных дагестанцев и чеченцев помимо влияния иммиграции и иных элементов, способных участвовать в этом процессе, в значительной степени повлиял фактор «изоляции и интенсивного приспособления к географическим условиям и климату высокогорья» [1, с. 135].

На основе археологических, антропологических источников мы пришли к выводу о том, что в зональном поясе, включающем в себя горную Чечню и горный Дагестан от правобережья р. Ассы и до р. Кара-Койсу, с древнейших времен, по крайней мере с III тыс. до н. э., жили народы со сходными чертами материальной и духовной культуры, выраженные в единых формах хозяйства (в земледелии, скотоводстве, металлообработке), схожей структуры бытовых памятников, архитектуры жилищ, единых погребальных обрядах [4, с. 174].

Приведенный выше материал со всей очевидностью свидетельствует об этнокультурной общности древних племен, населявших горный Дагестан и Чечню, и дает основание считать этот район важнейшей частью единой северо-восточно-кавказской историко-

этнографической области, где происходил непрерывный процесс этнокультурного развития его коренного населения с глубокой древности.

Список литературы:

1. Алексеев В.П. Несколько соображений о происхождении вайнахских народов по антропологическим данным // Сб.: Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. — 195 с.
2. Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. 1973.; Абдушлишвили М.Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966; его же. Антропологический генезис аборигенного населения Кавказа // Человек, эволюция и внутривидовая дифференциация // Труды МИОП. Т. 18. М., 1972; Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала. 1965; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии. Т. 4. М., 1948. — 384 с.; его же. Антропологические типы // Народы Кавказа, Т. 1. М., 1960. — 321 с.
3. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1969; Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969; его же. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане // АО 1968. М., 1969; Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы. // Древности Дагестана. Махачкала, 1974; Магомедов Р.Г. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998. — 193 с.; Гаджиев М.Г, Магомедов Р.Г. Памятники Гинчинской культуры у сел. Гагатль. / Сб.: Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. — 286 с.
4. Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и в средневековье. VI в. до н. э. — XII в. н. э. М., 2008. — 454 с.
5. Гаджиев М. Г. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане // Археологические открытия 1968 года. М., 1969. — 85 с.
6. Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область // Сб. Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. — 213.
7. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М. — Л., 1948. — 384 с.; Гаджиев А.Г. Данные по палеоантропологии Дагестана. Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Т. 10. Махачкала, 1962. — 210 с.
8. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. // Древние племена и народности Кавказа. (МИА СССР № 68). — 312 с.

9. Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа). / «Советская археология». № 1. 1964. — 117 с.; Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1961. — 234 с.; Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура северо-восточного Кавказа. М., 1991. — 172 с.
10. Крупнов Е.И. О чем говорят памятники культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 196. — 52 с.; Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. М., 1969. — 115 с.
11. Крупнов Е.И. О чем говорят памятники культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. — 52 с.
12. Марковин В.И. Археологический аспект в изучении этногенеза вайнахов. // Сб.: Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. — 195 с.
13. Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969. — 157 с.
14. Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник Гатын-Кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. — 291 с.; Виноградов В.Б. Раскопки Бельтинского могильника // АО 1980 г. М., 1981. — 112 с.; Петренко В.А. Раскопки в Юго-Восточной Чечне // АО 1981 г. М., 1982. — 156 с. и др.
15. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. Тула, 2003. — 340 с.
16. Мерперт Н.Я. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. // КСИА. Вып. 88. 1962. — 82с.; Крупнов Е.И. О чем говорят памятники культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. — 52 с.

4.4. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

НИКОЛАЙ АВКСЕНТЬЕВИЧ ВАЛЯШКО И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ НАУКИ 1920-Х—1950-Х ГОДОВ

Фесенко Владимир Юрьевич

преподаватель ХНТУСХ,

г. Харьков

E-mail: face@ukr.net

Постановка проблемы. Советская наука, по праву, считалась одной из передовых в мире, особенно это касалось точных наук, так как гуманитарные дисциплины, фактически с момента установления советской власти находились под жестким идеологическим прессингом. Однако нельзя утверждать, что и ученые естественно-научного цикла не находились под давлением со стороны государства. Какое влияние это оказывало на научную деятельность и судьбу ученых? В связи с этим, небезынтересным выглядит обращение к малоизученным страницам биографии известного химика-фармацевта, одного из создателей отечественной школы спектрографических методов исследования, Николая Авксентьевича Валяшко (1871—1955).

Анализ актуальных исследований. Долгое время проблемам взаимоотношения ученого и власти в СССР не уделялось достаточного внимания. Отдельные публикации периода т. н. «оттепели» не могли ликвидировать дефицит информации по этой проблематике. Лишь в годы перестройки, на рубеже 1980—90-х, началось переосмысление многих событий из советского прошлого нашей страны. Историки стали ретранслировать для широкой общественности информацию о репрессивной политике большевистской власти против своих оппонентов. Учитывая тот факт, что отношения Н. Валяшко с партийно-властными структурами большевиков складывались непросто уже с начала 1920-х гг., заслуживает внимания, ряд публикаций посвященных масштабной и хорошо спланированной акции советской власти 1922 года по принудительной высылке за границу нескольких десятков представителей интеллигенции, в основном из профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений Украинской

республики [1—2, 5—6; 12—13; 23]. Среди тех, кого планировали выслать, фигурировала и фамилия Валяшко [13, с. 28].

Тем не менее, в литературе данная проблема получила фрагментарное освещение, поэтому, при работе над статьей, автор, главным образом, опирался на материалы архивных фондов Государственного архива Харьковской области (ГАХО) и Музея фармации при Национальном фармацевтическом университете, а также воспоминания людей лично знавших Н. Валяшко.

В качестве **цели работы** автором было избрано изучение влияния, оказанного на научно-исследовательскую деятельность и личную жизнь профессора идеологическими кампаниями советской власти начала 1920-х и начала 1950-х гг., связанных с высылкой из страны ряда представителей дореволюционной интеллигенции и необоснованной критикой сторонников теории электромагнитного резонанса и мезомерии соответственно.

Изложение основного материала. В первые годы своего существования советская власть, с одной стороны, пыталась как можно быстрее восстановить государство, хозяйство которого было разрушено мировой и гражданской войнами. Это требовало достаточного количества квалифицированных специалистов. Однако, с другой стороны, наиболее радикальные элементы в большевистской партии призывали к немедленному освобождению всех общественных структур от так называемых «старых спецов», которые являлись, по их мнению, потенциальными врагами новой власти [см.: 2; 105—106].

Рассматривая привлечения представителей старой интеллигенции к социалистическому строительству лишь в качестве одной из форм классовой борьбы, отдельные большевистские деятели, в том числе и В.И. Ленин, не просто теоретически обосновали необходимость заставить их «замолчать» для достижения цели, которую ставит перед собой революция. В присутствии большевикам жестком и беспощадном стиле, они пытались упорядочить нормативную базу, которая бы предоставила юридические основания для извлечения из научной среды тех преподавателей и членов ученых обществ, которые оставались в плену идей так называемого «просвещенного гражданства» и могли навредить «победному шествию идей большевизма» в высших учебных заведениях республики [6, с. 218].

В своем секретном письме от 19 мая 1922 вождь мирового пролетариата инструктировал главу Государственного политического управления (ГПУ) Ф.Э. Дзержинского: «Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, стоящих на стороне контрреволюции. Надо к этому отнестись тщательнее. Без подготовки

мы наделаем глупостей. Прошу обсудить такие меры подготовки... систематизировать сведения о политических взглядах и литературной деятельности профессоров и писателей» [19, с. 123]. Дзержинский хорошо понимал, что требует от него шеф и прямо говорил своему заместителю И. Уншлихту: «На каждого интеллигента у нас должна быть дело» [цит. по: 1, с. 51].

Тогдашнее отношение власти к представителям научной элиты было очень четко охарактеризовано на страницах газеты «Коммунист»: «Полезный эффект, который дает стране «уважаемый» профессор, можно изобразить в виде дроби, числитель которой определяется запасом его знаний, а знаменатель — его отчужденностью от рабоче-крестьянской системы строительства общества. Какими бы большими ни были научные достижения того или иного специалиста, т. е. его числитель, но когда знаменатель его превышает, Советская власть должна сказать: дробь меньше единицы — такой спец более вреден, чем полезен!» [цит. по: 2, с. 11]. Именно в контексте подобных идей и началось генеральное наступление на научную интеллигенцию, видным представителем которой был Н.А. Валяшко.

8 июня 1922 года на заседании политбюро ЦК РКП (б) было принято решение о создании специальной комиссии, в которую вошли И. Уншлихт, Д. Курский и Л. Каменев. Ее целью было рассмотрение списков интеллигентских группировок, подлежащих депортации [2, с. 12]. Выполняя директиву высшего партийного органа, ГПУ требовало от своего украинского филиала срочно составить списки «антисоветской интеллигенции» с детальными характеристиками на каждого [23, с. 93]. При этом В. Ленин, в письме к И. Сталину от 16 июля 1922 года, отмечал необходимость особое внимание уделить столице Советской Украины: «... нужно проверить Харьков, мы его не знаем, это для нас «заграница» [21, с. 87].

В начале августа перечень украинских деятелей, в который попало 77 фамилий (из них 32 профессора), был утвержден председателем республиканского карательного ведомства В. Манцевым и отправлен в Москву. В сопроводительной записке отмечалось, что все списки и характеристики предварительно согласованы с партийными комитетами на уровне губерний, а по профессорскому составу также и с наркоматом образования и утверждены ЦК КП(б)У [12, с. 123]. 6 сентября 1922 года появился декрет ВУЦИК «Об административном выселении», который обеспечивал правовую основу высылки.

Николай Авксентьевич, в отличие от некоторых своих коллег, в частности И. Красуского, занимавшего тогда пост ректора Харьков-

ского технологического института (ХТИ) и, признанного большевиками как «тип несомненно вредный», не попал в этот проскрипционный список, но вскоре, по требованию Москвы, местные чекисты составляют новый, расширенный его вариант, где уже фигурировали фамилии Ю. Коршуна и Н. Валяшко [1, с. 43; 13, с. 28]. В последующие несколько месяцев профессор в полной мере ощутил на себе двойственность стандартов большевистской власти.

В конце сентября 1922 года ученый был арестован сотрудниками ГПУ. Видимо, человек, который, не принимал непосредственного участия в революционном движении и вообще старался оставаться вне политики, вызвал подозрение у чиновников от новой власти [20, л. 181]. Однако невозможность выдвинуть какие-либо конкретные обвинения, привела к тому, что вскоре Н. Валяшко отпустили, тем не менее, власти пытались выслать беспартийного ученого из города, и из-за этого ему пришлось написать заявление об увольнении с должности директора Харьковского фармацевтического института (ХФИ), незамедлительно оставив свой пост [14, с. 284].

Вскоре появилось распоряжение, подписанное заместителем председателя ГПУ В. Балицким, согласно которому Николай Авксентьевич должен был уехать в Германию, в связи с тем, что якобы существовало подозрение относительно шпионской деятельности известного ученого в пользу этой страны [20, л. 74]. В качестве аргументов приводились данные о его пребывании в Германии во время заграничных командировок в начале века. Только лишь получив постановление о высылке, М. Валяшко сразу заявил в кругу семьи: «Я выезжать не буду» [3]. Он был настоящим патриотом и хотел остаться, чтобы продолжать работать, принося пользу родной стране, и это, несмотря на те ужасные условия, в которых находилась советская наука в начале 1920-х годов. Так, на 1922 год, ежегодное содержание профессора университета составляло всего 5 % от дореволюционного уровня [16, с. 119]. К счастью дальнейшие обстоятельства сложились в пользу ученого.

Высылка ведущего специалиста могла нанести существенный ущерб научно-исследовательской работе в области химии и фармации, а также заметно снизить уровень преподавания учебных дисциплин связанных с этими науками. Надо сказать, что еще в 1919 году Н. Валяшко получал предложение от руководства Пражского университета, входившего в число ведущих университетов Европы, возглавить одну из кафедр химического направления, однако ученый решил не покидать Родину [17]. Учитывая эти обстоятельства, не вызывает удивления обращение декана химического факультета

технологического института в Укрглавпрофобразование, в котором делался акцент на крайне негативных последствиях возможного отъезда Н. Валяшко и подчеркивалась необходимость сохранения специалиста такого уровня в стенах института [7, л. 1].

Впоследствии коллективу факультета пришлось обращаться с подобной просьбой в ректорат ХТИ, потому как первое ходатайство было отклонено коллегией Укрглавпрофобра. На этот раз, акцент в обращении делался на том, что в случае высылки профессора, на факультете просто некому будет преподавать органическую химию и еще ряд специализированных дисциплин. Чтобы предотвратить это, ректорату предлагалось обратиться с ходатайством к правительству республики с просьбой оставить ученого [7, л. 5]. Оживленная реакция и волна возмущения со стороны научного сообщества, а также личное обращение Н. Валяшко в ВУЦИК УССР с просьбой пересмотреть его дело, заставили чекистов отказаться от своих нелепых обвинений.

По мнению автора, не последнюю роль в этом сыграло и то, что партийным функционерам в Украине, после соответствующей огласки мер, предпринятых против интеллигенции летом-осенью 1922 года, стало ясно, что в случае изгнания на чужбину активных общественных деятелей, они, таким образом, объективно усилят интеллектуальные силы украинской эмиграции и дискредитируют свою национальную политику. Более того, под угрозой окажется весь комплекс мероприятий советской власти связанный с созданием в украинской эмигрантской среде так называемого «сменовеховства». Незадолго до начала мероприятий по внедрению украинизации, это им было крайне невыгодно. Поэтому в предварительные планы были внесены определенные коррективы.

24 ноября 1922 года появилось постановление Политбюро ЦК КП(б)У о нежелательности высылки за границу деятелей украинской интеллигенции [6, с. 138]. Этот документ определил дальнейший ход событий. Вместо высылки за границу, для большинства ученых планировалось применить практику принудительного переселения в отдаленные районы РСФСР, а некоторых, оставить на месте, усилив, с помощью органов ГПУ, надзор над ними. Как свидетельствует заседание специальной комиссии, созданной постановлением Политбюро ЦК от 11 января 1923 года «По вопросу об украинской интеллигенции» от 1 февраля 1923 года, после детального рассмотрения кандидатур представленных ранее на высылку, было решено оставить профессора [13, с. 28]. Николай Авксентьевич продолжил работу в столице Советской Украины.

В протоколе № 103 заседания ЦК КП(б)У, при участии председателя ВУЦИК Г. Петровского и председателя республиканского НКВД В. Манцева, это мотивировалось тем, что «учитывая заявления профессоров Трефильева, Валяшко, Кураева, Гаевского и Коршуна об их лояльном отношении к Советской власти и ходатайств, полученных как от них лично, так и от ряда учреждений относительно оставления их, а также, учитывая, что по данным ГПУ их отношение к Советской власти резко изменилось в сторону лояльности, Политбюро ЦК КП (б) считает возможным отменить высылку указанных граждан и обращается в ЦК РКП (б) с просьбой утвердить данное постановление...» [5, с. 262]. Это завершило эпопею с высылкой профессора, заставив власть косвенно признать ошибочность своих действий.

Второй раз столкновение ученого и власти произошло уже в послевоенный период. В то время в общесоюзном масштабе усилилось давление тоталитарного государства на ученых, деятельность которых, по тем или иным причинам не вписывалась в существовавшие догмы.

В 1951 году властью проводилась широкомасштабная кампания, целью которой было усиление идеологического контроля со стороны партийных и государственных органов над органической химией. Это не было чем-то уникальным для того времени. Подобные пропагандистские мероприятия под лозунгами очищения советской науки от «буржуазно-идеалистических» теорий и «рабского преклонения перед буржуазными научными авторитетами», проводились и в других областях отечественной науки («лысенковщина», гонения на генетиков и кибернетиков и др.) [22, с. 97]. Все это происходило на фоне набиравшего обороты идеологического противостояния между двумя сверхдержавами в годы «холодной войны».

Главным объектом критики в области химии стала «теория резонанса». Авторство теории принадлежит известному американскому химику Лайнусу Полингу. Она была разработана в рамках его исследований природы химической связи. Спустя три года данное исследование было удостоено Нобелевской премии в области химии [11, с. 312]. В Советском Союзе на теорию резонанса навесили ярлык «идеалистической». Это автоматически исключало ее из арсенала отечественных ученых. Первый удар в ходе данной «разоблачительной» кампании на себя приняли сотрудники химического факультета Московского государственного университета Я. Сыркин и М. Дяткина. Еще с конца 1940-х гг. они читали курс

теории строения химических соединений, используя при этом наработки зарубежных коллег, занимавшихся теорией резонанса.

В июне 1951 года состоялась «Всесоюзная конференция по состоянию теории химического состава органической химии». Во время ее заседаний теория резонанса окончательно была заклеяна, как «буржуазная лженаука», и соответствующие выводы были направлены лично Сталину [15, с. 1—5].

В связи с этим, в начале 1950-х годов непростая ситуация сложилась на кафедре органической химии Харьковского политехнического института, которой руководил Н. Валяшко. В 1951—1952 годах уничтожающей критике было подвергнуто его видение природы химической связи и использование им в своих работах, в том числе и адресованных студентам, идей западных ученых по вопросам разработки концепций электронного резонанса и мезомерии. Оно было признано «крайне вредным заимствованием из буржуазной науки, ставящим под сомнение приоритет диалектико-материалистических принципов на которых базируется марксистская наука над идеалистическими» [8, л. 4—5]. Особую пикантность этой ситуации придавало то, что среди главных критиков внутри кафедры выступил один из лучших учеников профессора — В. Лаврушин. На эти замечания, Н. Валяшко справедливо ответил, что при разработке данной проблематики никто из членов кафедры не выступал с критикой.

В ежегодном научном отчете за 1948 год подготовленном в Харьковском химико-технологическом институте, с положительной стороны отмечалась работа кафедры органической химии, которая используя «спектрографический метод исследований, рассматривает строение молекул и протекание химических реакций с точки зрения новых теорий химии — электронной, квантовой механики и теории резонанса, что является самым надежным путем к объяснению химических свойств молекул и установления их структуры» [10, л. 87]. Или в другом месте этого же отчета: «Электронная теория, совмещенная с пониманием резонанса, позволяет очень детально подойти к рассмотрению данных, полученных с помощью изучения спектров поглощения в ультрафиолетовой плоскости и объяснений химических свойств молекул, невыраженных классическими структурными формулами» [9, л. 4]. Опираясь на эти теории, Н. Валяшко и М. Щербак, еще накануне войны провели серию спектрографических исследования 3-оксibenзальдегида и 3,5-диоксibenзальдегида, результаты которых полностью подтвердили теоретические положения теории квантового резонанса предложенные Ингольдом [4, с. 1426].

Более того, доценты В. Близнюков и В. Лаврушин совместно с заведующим кафедры принимали участие в разработке теорий, к сокрушительной критике которых перешли после «Всесоюзного совещания по теории химического строения в органической химии» (июнь 1951 г.), где присутствовал В. Лаврушин. Именно там было осуждено использование некоторыми отечественными учеными разработок иностранных коллег [8, л. 7].

Положение еще более обострилось, после того, как по материалам совещания, в институтской газете «Ленинские кадры» была опубликована статья, в которой указывалось на «низкий идейный уровень преподавания на кафедре органической химии» [18]. Николай Авксентьевич, понимая всю сложность ситуации, предлагал не начинать «охоту на ведьм», а совместными усилиями всех членов кафедры исправить указанные «ошибки». Для этого, по его мнению, надо было провести своеобразный диспут, в рамках которого собрать химиков, философов, физиков, математиков и с его помощью выяснить, в чем же ошибочность теории резонанса. Диспут, по понятным причинам не состоялся, и под давлением семьи, профессор вынужден был пойти на поиски компромисса [3].

Этот эпизод свидетельствует, с одной стороны, о том, что даже при неблагоприятных условиях, Н. Валяшко до последнего оставался сторонником свободного творческого поиска, а с другой, указывает, что и талантливые ученые в условиях тоталитарной системы, не были лишены определенной доли конформизма (имеется в виду поведение его отдельных последователей).

В итоге, 6 октября 1951 года, кафедрой было принято постановление о признании «ошибок» и готовности следовать партийному курсу в области науки. В частности, в нем говорилось: «Кафедра с удовлетворением отмечает, что Всесоюзное совещание ярко продемонстрировала неизбежность материалистической теории химического строения великого русского ученого А.М. Бутлерова, являющуюся фундаментом современной органической химии. Вместе с тем совещание единодушно подвергло сокрушающей принципиальной критике, так называемые концепции электронного резонанса Поллинга и мезомерии Ингольда, квалифицировав их как идеалистические и механистические, лишённые какого-либо научного обоснования, бесплодные в практическом отношении, препятствующие развитию химической науки. Это... имеет прямое отношение и к работе нашей кафедры, в которой на протяжении последних 15 лет в лекциях, практических занятиях со студентами, а также в научных работах, концепции резонанса и мезомерии ошибочно принимались

как теоретическая основа для объяснения электронных механизмов и реакций органической химии... Основными причинами, способствовавшими распространению среди советских ученых лженаучных теорий, были недостаточное развитие научной критики, преклонение перед зарубежными авторитетами, слабое внимание к вопросам методологии и борьбе за материалистическое мировоззрение в советской химической науке» [8, л. 7—10].

Логику членов кафедры можно прекрасно понять. Многие из них осознали, что их дальнейшая карьера может оказаться под угрозой. В подобной ситуации, проще всего было обвинить во всех «грехах» старого профессора, даже на 35 году советской власти так и не сумевшего преодолеть свое «низко преклонение перед Западом», тем самым дистанцировавшись от якобы ложных идей.

Так, в вышеупомянутом постановлении, именно Николая Авксентьевича упрекали в том, что он не выполнял решений кафедры о пересмотре методических указаний и программ для студентов, а также своего учебного пособия «О природе химической связи», текст которого «не дает развернутой критики идеализма и не показывает лженаучности концепций резонанса» [8, л. 8]. Заканчивалось постановление вполне характерным для советской эпохи призывом осуществить коренную перестройку всей деятельности кафедры в духе «исторических указаний товарища Сталина и решений ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам».

Указанный эпизод не получил освещения в большинстве изданий посвященных выдающемуся ученому. Объяснение этому очень простое. Авторами этих изданий были, как правило, люди, которые либо непосредственно работали с Н. Валяшко, и не желали компрометировать себя, или же те, кто получал информацию именно от коллег Николая Авксентьевича, которые не были заинтересованы в распространении подобных сведений.

Подводя **итоги**, отметим, что, не смотря на определенную напряженность в отношениях профессора и новой власти, которая возникла в связи с высылкой ряда представителей интеллигенции за пределы республики в начале 1920-х гг., большевики своевременно поняли, что потеря научного деятеля такого масштаба может нанести серьезный ущерб как передовым исследованиям в области органической химии, так и фармацевтическому образованию. В дальнейшем, Н. Валяшко получил достаточно неплохие условия для научно-исследовательской деятельности, которая разворачивалась на кафедре органической химии в стенах химико-технологического института

и на кафедре фармацевтической химии и фармакогнозии фармацевтического института.

Начало 1950-х гг. прошло в судьбе заслуженного деятеля науки под знаком нового обострения противостояния с властью. На этот раз оно было вызвано тем, что ее представители, исключительно по идеологическим соображениям, осуждали некоторые теории, которые поддерживались ученым, в частности электромагнитного резонанса и мезомерии. Эти события крайне негативно сказались на психологическом состоянии Н. Валяшко, обусловив завершение им активной фазы своей научно-исследовательской работы.

Список литературы:

1. Адамський В. Депортація української інтелігенції в контексті становлення тоталітарного режиму / В. Адамський // Розбудова держави. — 1996. — № 8—9. — С. 40—44; 47—51.
2. Адамський В. Українська наукова еліта як об'єкт політичних репресій на початку 1920-х років / В. Адамський // Педагогічний дискурс: Збірник наукових праць. — Хмельницький: ХГПА, 2007. — Випуск 2. — С. 10—20.
3. Валяшко Алексей Николаевич. Интервью от 25.01. 2013 [Аудиозапись]. — Х., 2013. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Валяшко Н. Спектры поглощения и конституция производных бензола. Сообщ. 10. 3-окси- и 3,5-диоксibenзальдегиды / Н. Валяшко, М. Щербак // Журнал общей химии. — 1948. — Т. 8. — Вып. 14—15. — С. 1399—1427.
5. Васильев К. Философский пароход 1922 года (по материалам протоколов заседаний Политбюро ЦК КП(б)У) / К. Васильев // Сумська старовина. — 2002. — № 10. — С. 258—264.
6. Высылка вместо расстрела. Депортации интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921 — 1923. — М.: Русский путь, 2005. — 544 с.
7. Государственный архив Харьковской области (ГАХО) — Ф.Р. 1682. — Оп 2. — Д. 46. Личное дело проф. ХТИ Валяшко Николая Авксентиевича. — 1922.
8. ГАХО. — Ф.р. 1682. — Оп. 13. — Т. 1. — Д. 51. Протоколы заседаний кафедры за 1951—52 учебный год.
9. ГАХО. — Ф.р. 4203. — Оп. 3. — Д. 118. Научные проблемы разрабатываемые институтом.
10. ГАХО. — Ф.р. 4203. — Оп. 11. — Д. 47. — Отчет о выполнении плана научно-исследовательских работ в 1948 год.
11. Грэхэм Л. Глава IX. Химия / Л. Грэхэм // Естествознание, философия и наука о человеческом поведении в Советском Союзе. — М.: Политиздат, 1991. — 480 с.

12. Гусев В. «Застосувати як одну з репресивних мір проти професури висланія за межі Федерації» / В. Гусев // Віче. — 1994. — № 10. — С. 119—128.
13. Данилов А. «Изъятие интеллигенции» / А. Данилов // Еженедельник 2000. — 2008. — 11 января. — С. 27—28.
14. Історія фармації України / Р.В. Богатирьова, Ю.П. Спіженко, В.П. Черних та ін. — Х.: Прапор, 1999. — 799 с.
15. К итогам совещания по теории химического строения в органической химии // Сообщения о научных работах Менделеевского общества. — 1951. — Вып. 4. — С. 1—5.
16. Коляструк О. Інтелігенція УСРР у 1920-ті роки: повсякденне життя / О. Коляструк. — Х.: Раритети України, 2010. — 385 с.
17. Конференція НФаУ к 140-летию Н.А. Валяшка [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.youtube.com/watch?v=pyns85t1RN8> (дата обращения: 27.06.12).
18. Ленинские кадры (Издательство ХПИ) — 1951. — 24 сентября. — С. 1—4.
19. Литвин Н. Висланія професури 1922 року як ідеологічний чинник боротьби з українською інтелігенцією / Н. Литвин // Вісник КНТЕУ. — 2010. — № 3. — С. 119—126.
20. Музей истории фармации Украины. — Ф. 1. Валяшко Н.А. — Д. 1.
21. Письмо В.И. Ленина в ЦК ВКП(б) в отношении интеллигенции от 16 июля 1922 года // Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921—1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. — М.: Русский путь, 2005. — С. 86—87.
22. Сонин А. Печальный юбилей одной кампании / А. Сонин // Вестник РАН. — 1991. — Т. 61. — № 8. — С. 96—107.
23. Ченцов В. Політичні репресії в Радянській Україні / В. Ченцов. — К., 2000.

4.5. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН В КОНЦЕПЦИИ Ю.И. ВЕНЕЛИНА

Виноградова Марина Юрьевна

аспирант, АФ ННГУ,

г. Арзамас

E-mail: uvimar@mail.ru

Юрий Иванович Венелин является одним из родоначальников отечественной славистики. Разбирая вопросы славистики автор касается множества различных областей данной проблематики. Среди них исследователь рассматривает древнюю историю славян, их язык, быт, культуру, письменность. Однако концептуальной для Ю.И. Венелина является этногенез славян, вопрос их происхождения, формирования и развития. В связи с этим, в данной статье необходимо рассмотреть и проанализировать творчество Ю.И. Венелина по вопросу этногенеза славян.

Следует отметить, что своими трудами автор снискал множество сторонников, которые в дальнейшем образовали т. н. «школу Ю.И. Венелина». По словам М.П. Погодина, именно Венелин пробудил у него тягу к славянским исследованиям [5, с. 18]. В свою очередь, беседы именно с М.П. Погодиным порождали живой интерес к дальнейшим исследованиям юного автора. Кроме того, Ю.И. Венелин некоторое время был учителем К.С. Аксакова, повлиял на складывание славянофильской доктрины А.С. Хомякова.

За свою весьма недолгую жизнь Ю.И. Венелин (1802—1839) оставил богатое научное наследие, которое не потеряло своей актуальности и сегодня. Карпатарос Георгий Гуца родился в с. Б. Тибава, в семье священника. Свое обучение он начал в Унгварской (Ужгородской) гимназии, продолжил обучение в духовной семинарии. В 1821 г. юный Г. Гуца стал учеником Сатмарского епископского лицея, а в 1822—1823 гг. он обучается на философском факультете в Львовского университета, где автор подолгу работает в библиотеке, изучает древнейшие источники, знакомится с трудами выдающихся философов, а также иногда слушает лекции в Сегединской академии.

Скрываясь от католического духовенства молодой Георгий Гуца вместе со своим братом и единомышленником Иваном Молнаром в 1823 г. бегут в г. Кишинев, который тогда был на российской территории. С этой же целью Георгий Гуца берет псевдоним Юрий Иванович Венелин, под которым он известен как ученый. Кроме того, Россия открывала больше возможностей для научной работы. Здесь братья активно начинают заниматься изучением истории, в частности, историей болгар.

Следует отметить, что в историографии на протяжении многих лет Ю.И. Венелин в основном рассматривался как основатель отечественного болгароведения. В связи с этим, и многие авторы, анализирувавшие научные достижения русина, опирались на результаты его исследований по болгарскому вопросу. Еще более удивительно, что на современном этапе некоторые ученые, рассматривая вклад Ю.И. Венелина в славистику, за основу берут именно эту проблематику его исследований. Безусловно, она была приоритетной для автора, но следует учитывать и общий вклад ученого в развитие истории славянского народа. В качестве примера можно привести мнение М.В. Никулиной о том, что «вопросы славянского этногенеза находились на периферии интересов Венелина, основное внимание которого было сосредоточено на изучении болгарской истории, культуры, литературы, языка» [6, с. 24]. С этим можно согласиться, но лишь отчасти. Действительно, в начале своей научной работы автор активно занимался исследованием истории Болгарии. Однако можно утверждать, что главное место он все же отводил не только болгарскому народу, а всему славянскому этносу в целом. Болгария для Ю.И. Венелина была лишь его стартовой площадкой, в связи со злободневностью проблем, на которые автор, как истинный славянин, не мог закрыть глаза.

В вопросе этногенеза славян отправной точкой у Ю.И. Венелина служит постулат о том, что славяне — «старожилы Европы». Он неоднократно говорит, что «первое появление имени народа в летописях не есть то же, что первое появление его в природе» [2, с. 17]. Автор берет этот принцип за основу своих исследований и анализирует труды некоторых своих предшественников. Например, краковский епископ Викентий Кадлубко прародиной славян считал область Иллирии, Паннонии и Каринтии, а братиславский профессор Генрик Данковский выводил славян из фракийцев, готов и скифов. Помимо этого, также предками славян считали даков, халдеев, сарматов, балтийских венедов, а их прародиной — район Прибалтики, Вислу, верхнее течение Днепра и Волги. Исходя из этих и многих

других исследований ученых, автор видел необходимым формирование новой теории, более объективной и точной. В связи с этим, свою точку зрения на данную проблему Ю.И. Венелин выражал в следующем: «Европейские народы некоторым образом имеют свою определенную колыбель: тевтонские племена — север, славянские — всю середину и восток Европы, греческий в сообществе с латинским — юг» [1, с. 181]. По его мнению никакого переселения славян не было, т. к. «главные народы Европы происходят из общего источника. По сему, если латины или греки или даже немцы суть древние обитатели Европы, то ничто совершенно не мешает и славянам по тому же праву быть старожилами сей же части мира» [2, с. 70]. Исследовав многочисленные византийские, арабские источники, а также «Повесть временных лет» Ю.И. Венелин делает вывод: «...славяне составляли большой этнический массив, который охватывал пространство от берегов Адриатического и Черного морей до Балтийского моря, Архангельска и Северного Ледовитого океана» [1, с. 181].

Однако, следует подчеркнуть и чрезмерное увлечение автора этимологизированием. Эмоциональность Ю.И. Венелина зачастую приводила его изыскания к некой абсурдности, которая выражалась, в частности, в выведении славянского народа из этнически различных племен.

В вопросе этногенеза славян немаловажную роль, в трудах автора, занимает исследование языка народов. Вследствие этого Ю.И. Венелин формирует свою теорию о происхождении «вида» и «рода». Согласно ей, все языки и народы имеют одну основу — «ствол» (или род), которым он считает славян, а от них далее произрастают «ветви» (или виды). Особенности формирования «ветвей», происходило, по Венелину, в зависимости от климата и территории. Разумеется, данная теория автора не относится только к развитию языка того или иного народа, но непосредственно и к самому этносу. Таким образом, «род» (или «ствол») это славяне и он един для всех ответвлений. Здесь автор проводит сопоставление «вида» и «рода», соответственно, болгарского языка с языком общеславянским. Автор пишет, что «...болгарский язык, будучи уже сам наречием, так называемого славянского...», «признаю везде целым, одним и тем же; впрочем, должен признать, что в разных частях пространства, им занимаемого, подвергался, как то везде бывает, разным провинциализмам. Но какие и где были сии провинциализмы, знать нельзя» [3, с. 66].

Концептуально значимым аспектом этногенеза славян Ю.И. Венелин считает проблему происхождения русской государственности. В этом вопросе он активно вступает в полемику с норманистами. В связи с этим, автор, критикует основные построения Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера, А.Л. Шлецера, присваивая их концепциям клише «Скандинавомания». Жесткой критике автор подвергает концепции И.Э. Тунманна, И.Х. Энгеля, Н.М. Карамзина и др.

Ю.И. Венелин является антинорманистом и придерживается теории южно-балтийского происхождения Руси. Летописное «Варяжское море» автор называет Балтийским. Логически верно, что немногочисленная группа норманнов не смогла бы покорить всю Центральную и Восточную Европу и сломить славян, при этом оставив их язык в первоначальном виде.

Среди многочисленных аспектов критики норманистов особо ярко выступает его обвинение в незнании ими русского языка, а, следовательно, и текста летописи, а также в ангажированном характере их исследований. Особо критикует Ю.И. Венелин «диссертацию» Г.З. Байера и его некомпетентность в данном вопросе вследствие незнания ни языка Нестора, ни даже современного ему русского языка. «По этой причине, — пишет Ю.И. Венелин, — он и не знал текста русской летописи: это видно из его рассуждения, в котором он силится доказать диаметрально противное Нестору, не зная, однако, того, что утверждал наш летописец. Следствием этого незнания было то, что Г.З. Байер поступил против правила критики, что значение русского слова следовало пояснить из текста русских же летописей» [4, с. 9]. Ю.И. Венелин всегда следовал принципу исторической правды, которая может рождаться только в анализе исторических источников данного события. Вследствие этого, Г.З. Байер априори не мог быть объективным в данном вопросе. Логически верно, что при исследовании конкретного народа, необходимо знать его язык. В этом же недостатке упрекал Ю.И. Венелин и последователей Г.З. Байера. С этой позицией знаменитого русина согласны многие авторы. В доказательство следует привести мнение компетентного ученого современности В.В. Фомина, который еще в 2005 г. отмечал: «Манера работы норманистов с источниками особенно проявилась в их отношении к ПВЛ, и она сводилась к тому, что, указывая Ю.И. Венелин, “им понадобится, то и станет говорить Нестор!!!”» [7, с. 126—127].

Следует отметить, что в своих произведениях автор был подвержен популярному в то время направлению романтизма. В связи с этим, многие постулаты его концепции чрезмерно романтизированы,

что отмечали еще исследователи начала XIX в. Среди них можно выделить, например, Н.М. Каразмина, Н.И. Полевого, М.П. Погодина и др.

Подводя итоги, следует отметить комплексный и всеобъемлющий подход к такому сложному вопросу как этногенез славян. Данная проблематика исследований автора позволяет назвать его не только основателем болгароведения, но и одним из основоположников всей отечественной славистики. Ю.И. Венелин создал уникальную теорию «вида» и «рода», доказал «старожилость славян в Европе», активно выступал против норманизма в вопросе происхождения государственности на Руси. Его научное наследие призывает взглянуть на начальную историю Руси по-новому, пересматривая, казалось бы уже доказанные гипотезы. Автором была создана т. н. «школа Венелина», представители которой продолжали идеи основателя по отечественной славистике.

Список литературы:

1. Байцура Т. Юрий Иванович Венелин. — Братислава, 1968. — 308 с.
2. Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. — М., 1856. — 326 с.
3. Венелин Ю.И. Критические исследования об истории болгар Ю.И. Венелина от прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 г., или покорение Болгарии великим князем русским Святославом. — М., 1849. — 342 с.
4. Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники или столетние изыскания о варягах. — М., 1842. — 114 с.
5. Колинченко Ю.В. К публикации рукописи Ю.И. Венелина «О происхождении славян» // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антиноманизм / Под ред. Кузьмина А.Г. — М., 2003. — 320 с.
6. Никулина М.В. Ю.И. Венелин в русском славяноведении первой трети XIX в. (Проблематика славянских древностей) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. — М., 1986. — 312 с.
7. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. — М., 2005. — 488 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

20 мая 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 27.05.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,875. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3